

Анастасия Головина

Где кончается ад?

18+

Где кончается ад?

Анастасия Головина

Где кончается ад? - 2

«Автор»

2026

Головина А.

Где кончается ад? - 2 / А. Головина — «Автор», 2026 — (Где кончается ад?)

Он — демон Нижнего мира. Его руки веками были омыты кровью, а душа давно забыла, что такое сострадание. Она — рыжеволосая девушка, чья жизнь когда-то превратилась в ад в стенах собственного дома. Кайм спас Виолу. Стал её защитником, другом и тем, кем не должен был становиться для человека. Но теперь всё изменилось. Кайму приходится вернуться в Нижний мир и подчиниться хозяину, скрывая от него единственную слабость — Виолу. За насмешливым и заботливым защитником скрывается демон, для которого убийство никогда не было чем-то страшным. И теперь прошлое Кайма начинает всё сильнее вторгаться в их настоящее. И пока Нижний мир готовится изменить правила игры, граница между светом и тьмой становится всё тоньше. Кайму предстоит сделать выбор, который уже нельзя будет отменить: остаться верным миру, которому он служил веками, или предать его ради той, которую когда-то решил защищать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анастасия Головина

Где кончается ад? - 2

Глава 1

Виола

Это были непередаваемые ощущения. Взрыв, искры, а следом жуткая боль. Как он мог бросить меня? Я не могла дышать. Грудную клетку сводило, слёзы катились по щекам крупными каплями.

Я поверила, что между нами что-то возможно. Открылась ему.

Не стоит верить демону.

Как он мог? Кайм видел мою неуверенность, страх. Возбуждение и любовь. И в нём было всё точно так же! Он был нежен и осторожен. Боялся навредить, но в итоге уничтожил.

Если бы он остался, мы могли бы поговорить. Но мой возраст опять напомнил о себе. Вновь отдалил его от меня. И на этот раз так сильно, что между нами разверзлась бездонная пропасть.

Неужели я так и осталась в его глазах глупым ребенком? А этот взгляд, обращенный на меня, полный обожания и страсти! Он смотрел как на женщину, к которой испытывает чувства, а не на ребенка, чьим защитником был много лет! И какой-то школьный дневник вдруг изменил все!?

Я обнажилась перед ним, открыв не только тело, но и душу. Он был первым всегда и во всём. И оставил меня одну. Обнаженную, с исколотым сердцем, которое после его ухода покрылось чернотой...

— Виола? — тихо позвала мама с той стороны двери. — Все в порядке? Я могу войти?

Мама отворила дверь, провела взглядом по комнате, заметила смятое платье на полу у зеркала, порванные трусики на полу возле дивана и ахнула, увидев меня. Растрепанную, голую, с размазанной по щекам тушью.

— Что он сделал? — молниеносно догадалась она.

Мама села на край дивана и осторожно потянулась ко мне, нежно касаясь плеч.

Тепло, исходящее от неё, было желаемым, но незнакомым. Я мечтала, чтобы мой защитник был рядом, оберегал меня, делал счастливой. Мне нужно было видеть улыбку на его лице, блеск в глазах. Чувствовать любовное касание, его самого... Но он ушел, бросив меня.

— Ничего, — выдохнула я. — И при этом все.

— Дочка, — трагично протянула мама и прижала меня к себе.

Она гладила меня по волосам, позволяя заливать её колени горячими слезами. Плач переходил в крик, мольбу, скулеж. Мне было стыдно, что она видит меня такой. Разбитой, брошенной, униженной. И её доброта казалась сейчас укором моей наивности и глупости.

— Виола, — умоляла она. — Станет легче. Поверь.

Мне никогда не было легко. Всегда что-то мешало.

— Он... причинил тебе боль?

— Не в том смысле, как ты думаешь.

Тело затрясло мелкой предательской дрожью, которую я была не в силах унять. Мурашки бегали по коже, а зубы стучали так сильно, что я сжала челюсти до скрипа.

— Вы...

Как всем важно знать был ли его член во мне! Неужели только это может причинить жуткую боль?!

— Между нами ничего не случилось. Вернее, не то, что ты думаешь.

— Ты отвечаешь так уже второй раз. И я уже не знаю, что думать!

Думать думать думать... это было больно! День, который грозился стать лучшим в моей жизни, превратился в один из самых ужасных. Счастье, любовь и страсть разбились о непреодолимую стену.

Он бросил меня!

— Я хочу спать.

Мне просто нужно было остаться одной, чтобы не смотреть в лицо родной матери и не добивать себя чувством вины за то, что она застала меня в таком виде.

— Все будет хорошо, — поцеловала меня мама в висок и заботливо накрыла одеялом, укутывая со всех сторон.

Эта фраза часто звучала от друзей, учителей, от него и от меня самой. Но и она оказалась ложью. Все обман.

Я провалилась в густой и безмолвный сон. В нём не было картинок и голосов. Только боль. Сплошная, всеобъемлющая. Почему он ушел. Кайм...

Я знала, что он не вернется. Уверенность в этом была непоколебима. И в моем сердце разверзлась дыра...

Утро все же наступило. Телефон, забытый в сумочке, ненавистно-весело пиликал без остановки, и я, не глядя, знала, кто вызывает меня на исповедь.

Нехотя, даже через боль, я свесилась с дивана и потянулась к ремешку клатча.

Внутри лежал телефон, а на нём покоился фольгированный квадратик, который я смущенно и с надеждой опускала в сумочку. Который мне не пригодился... я повертела его в руках и отбросила на пол, как грязь, налипшую к пальцам.

На экране висело уведомление о двадцати пропущенных от Марго. Она закидывала меня сообщениями, желая узнать, как же завершился вчерашний вечер.

«Ну что, ты все еще монашка?»

«Ви, я требую подробностей!»

«Скажи, он же хорош?»

«Ты меня не спрашивала, но я скажу: Вадик просто секс!»

Я отложила телефон в сторону. Мне нечего было ей сказать. Это слишком больно.

Мама гремела чем-то на кухне, тихо работало радио, где вещала какая-то передача про важность семьи и религии. Самое то для квартиры, где туда-сюда бродят демоны и ангелы, и разбивают сердца...

— Доброе утро! — улыбнулась мама, осматривая так, будто вчера меня переехал автобус.

— Садись завтракать. Я сделала сырники. Будешь чай?

Ослиная моча...

— Ненавижу чай.

Мама приподняла одну бровь.

— Разве? Ты всегда пила чай.

— Я приму душ.

В зеркало на меня смотрела бледная, изможденная девушка. Потухшие глаза с черными пятнами под ними, искусанные до крови губы. И это лишь то, что лежит на поверхности.

Ледяная вода смывала следы прикосновений Кайма. Его поцелуи, страстные, взрослые, будто ненастоящие, таяли под струей воды.

Я повесила лейку на держатель, а сама села в ванну, прижав колени к подбородку.

Что же мне делать? Как я справлюсь без него? Я снова одна. Почему он ушел?

— Виола? Виола! Все в порядке? — послышался за дверью обеспокоенный голос мамы.

Не дождавшись ответа, она распахнула дверь, влетела внутрь, и по её лицу я увидела, что она ожидала увидеть меня на полу в луже крови.

— Как тут холодно! — мама бросилась ко мне и подставила ладонь под струю. — Вода ледяная, ты же заболеешь!

Мама выключила душ и накинула на меня большое пушистое полотенце. С её помощью я поднялась на ноги и наконец открыла глаза.

— Я не знаю, что именно произошло ночью. Ты жива, цела. И здорова. Поверь, это главное. Я рядом и помогу тебе собрать себя заново. Ты не одна, дочка.

— Спасибо.

Сырники и кофе казались пресными. Все выглядело тусклым и серым. Мир потерял краски и запахи. Замер, страдая в унисон со мной.

— Мне нужно сходить на рынок, купить фруктов и мяса. Вечером можем вместе налепить пельменей. Как думаешь?

— Хорошая идея.

— Марго звонила, сказала, что ты ей не отвечаешь.

— Позвоню.

Я не хотела расспросов, попыток пролезть под кожу, сочувственных взглядов и жалости. Мне нужно остаться одной с этой болью. Понять его. Сохранить в памяти каждый фрагмент прошлой ночи.

— Может, мне стоит остаться?

— Мама, — выдохнула я, стараясь не встречаться с ней глазами. — Я не собираюсь вредить себе. Только вылью пару литров слез. Не беспокойся.

— Попробуй отвлечься. Отправь заявки в университет.

— Ага, так и сделаю.

Вернувшись в комнату, я не обнаружила в ней вчерашнего платья, страстно разорванных трусиков и презерватива, который так и не пригодился. Мама убрала все, пока я монотонно запихивала в себя завтрак. И за это я была ей благодарна.

Постельное белье тоже было обновлено. И больше здесь не ощущался его запах. Ничего не напоминало о том, что прошлой ночью Кайм довел меня до оргазма на этом диване и следом сам излился в мою ладонь. Он говорил, что не остановится, не уйдет. Целовал меня, касался... и исчез. Бросил, ничего не объяснив.

Я смахнула непрошенные слёзы и забралась на диван, прихватив с собой ноутбук.

Универ я выбрала давно, но на всякий случай подавала документы в ещё два других. Машинально выбирала нужные значения в электронной заявке, прикладывала отсканированные документы, не замечая, что происходит вокруг.

— Вот это поворот! Что за комната, наполненная сексом и слезами? — от двери весело звенел голос Серафины. — Скажи мне, что это был Валера?

Но стоило ей войти внутрь, как осознание стрельнуло в затылок.

— Твою мать, Виола! Ты совсем рехнулась?

— Помоги мне! — молниеносно сдалась я, отбрасывая ноутбук.

Мне было так тяжело, стыдно и больно. Но она оказалась единственным, перед кем я была готова открыться.

— Девочка моя, — сгребла она меня в свои объятия. — Что же здесь произошло?

Я до хруста сжимала воротник кожаной куртки и рыдала, уткнувшись ей в плечо.

Серафина замолкла, не бросалась привычными оскорблениями в адрес Кайма. Она ждала.

Серафина

Твою мать! Сдерживаться было тяжело. Безумно! Мало того, что хотелось отходить по щекам эту дурочку, так ещё и тут же сорваться, найти безмозглого кобеля и оторвать ему яйца.

Я видела все, что произошло между ними. Не сказала ей ни слова, когда она начала сбивчиво это рассказывать. Кивала, гладила её по голове и спине, сотрясаемой в рыданиях. Виола выплескивала на меня свою боль. Ей требовалось это сделать, освободить свое сердце, чтобы в нем оказалось место для исцеляющих событий.

— Скажи что-нибудь, — молила она.

— Все, что я способна сейчас произнести, сделает тебе больно. Поэтому лучше, чтобы я молчала.

— Ты считаешь, что я сама виновата?

— Нет. Твоей вины здесь нет. Ну, только если самую малость. Ты доверилась не тому. Но вы, люди, часто выдаёте желаемое за действительное.

— Я не могу контролировать чувства к нему, Серафима.

— Знаю, — ответила я, вспоминая Ивиона. — Это невозможно.

— Мне так плохо. С его уходом будто истлело моё сердце.

— Давай без вот этой драмы. Чертяка показал себя, и хорошо, что так. Мог бы и сильнее ранить. Он воспользовался тобой.

— Это не так! — встрепелась Виола.

— Виола, — осторожно начала я, склонив голову чуть в сторону. — Пойми...

— Нечего тут понимать! Если бы он хотел воспользоваться мной, то сделал бы это гораздо раньше. Лишил бы меня девственности, хотя бы.

Хотя бы. Дурочка страдала, что он не довёл дело до конца!

— Ну, вообще, да. Будем считать, что в нём осталось что-то хорошее, раз он этого не сделал. Знаешь, в прошлые времена в вашем обществе очень ценилась чистота женщины. За твою честь ещё и быка дать могли! Так что во всём нужно видеть плюсы. Но он все равно поступил как подлец.

— Да и замуж выдавали лет в десять! Я живу в настоящем. И ты к чему это вообще говоришь? Какие ещё быки?!

Немного помолчав, она задала свой вопрос:

— Как думаешь, я ещё увижу его?

Виола знала ответ на него. Ей все было предельно ясно. Но её сердцу требовался какой-то огонек надежды.

— Для начала я сама хочу его увидеть.

Я шла сюда, нервничая и волнуясь перед встречей с ней. Ведь последний наш разговор закончился довольно скверно. И эгоистичная часть меня сейчас довольно скалилась, ведь мне не требовалось просить прощения и изгачаться, налаживая с ней контакт. Спасибо чертяки, в этом он мне помог.

Я даже не предполагала, что боль Виолы вот так отзовется во мне. Её юное сердечко было разорвано в клочья. Непонимание и обида сжигали её изнутри. Она куталась в бесформленную толстовку, но я чувствовала, что ощущение обнаженного тела её не покидало.

Что за дурацкая игра на нервах девчонки? Я не могла понять, почему Кайм сбежал в такой момент, не довёл дело до конца, не воспользовался ситуацией. Неужели его замучила совесть? Ведь ещё вчера он видел в ней ребёнка! Что это, моральные принципы? Я думала, они у него довольно пластичны.

Раз он такой правильный, то должен был сделать все так, чтобы не ранить её. Не сбегать из постели Виолы сразу после того, как занялся с ней сексом.

Виола сбивчиво рассказывала мне об их совместной поездке на море, о том, как прекрасно прошёл выпускной, и как Кайм пел под гитару в городском парке. Как он смотрел на неё, и в какой безопасности она ощущала себя рядом с ним. А затем... дыра. Боль и пустота.

Любовь страшная вещь. Неподвластная даже высшим существам. Она может поднять тебя на вершину удовольствия, а затем стремительно разбить на сотни осколков, которые уже не собрать. Но я не Кайм. Я должна исправить то, что он натворил.

Решение моментально засвербило в моей голове. Я вскочила с дивана, напугав Виолу резкой переменой настроения и, нависнув над ней, окинула ее взглядом.

— Ну-ка, живо встала! — командовала я. — Снимай это позорище!

Я распахнула дверцы шкафа и принялась бесцеремонно копаться на полках с одеждой. Под руку попался черный корсетный топ, вышитый стекляшками. Я приложила его к себе и повернулась к Виоле.

— Отлично!

— Я была в нем на море, когда Кайм меня...

— Ой, всё! Тогда держи это, — я бросила в неё розовую льняную блузку с завязками спереди и короткую белую юбку. — И вот это, отлично будет смотреться.

Я стянула с себя куртку, свитшот, джинсы, и нырнула в легкое голубое платье с ромашками.

— Чего застыла? Переодевайся!

Виола с недоверием во взгляде начала высовывать руки из рукавов толстовки, а я схватила ноутбук и включила музыку, смывая тишину потоком ритмичных аккордов.

— Ты слушаешь нашу музыку? — удивилась Виола.

— А ты думала ангелов, которые бренчат на арфе?

— А кто это поет?

— Это твой мир! Твоя музыка! — возмутилась я с улыбкой. — И ты не в курсе? Это Линда, надо бы знать!

Заиграл ремикс песни «Марихуана», и я потащила Виолу на себя, схватив за руки.

Мы танцевали, прыгали и дурачились. И постепенно на её лице проявлялась улыбка. Едва заметная, смущенная, она становилась ярче, а когда зажглись её глаза, она уже всю смеялась. Громко, забыв о подонке, который унизил и бросил.

— Я больше не могу, — Виола плюхнулась на диван, вытянув ноги.

Раскрасневшееся лицо светилось от нашего веселья. Она сдувала настырную прядь волос, которая то и дело падала ей на глаза, и пыталась отдышаться.

— Слабачка! — сказала я и подошла к зеркалу.

Оттуда на меня смотрела юная и красивая по меркам людей девушка. Острые плечи, небольшая аккуратная грудь, узкая талия, длинные ноги. Для верхнего мира я была такой как все. Не особо примечательная внешность, не особо явные таланты. И за это меня и не любили. Но я-то хотела, чтобы меня любил он...

— Прогуляемся?

— Не хочу, — покачала головой Виола. — Я так и не закончила с подачей заявок в университеты.

— Это дело хорошее. Тебе надо учиться, а не дома торчать. И на какую специальность ты собралась?

— Медицина или биотехнологии.

— Это прям твое! Будешь и дальше грызть свой гранит. Ну-ка, что ты там выбрала, куда хочешь больше всего?

Кайм

— Кайм! — воскликнул Стиг. — Ты здесь!

— Это очевидно.

— Как ты? Как Амур? Он все же умер?

— Давай вечер тупых вопросов закончится прямо сейчас. Я не в духе.

— Это очевидно, — ответил Стиг, скрываясь в подсобке.

Имайна протирала столики своей любимой тряпкой, поглядывая искоса на меня.

— Зачем пришел?

В зале было несколько посетителей и все смотрели на меня. Я не ответил ей, сразу прошел в служебное помещение за барной стойкой, а Имайна, не вытерпев последовала за мной.

— Устрой мне встречу с Серафиной.

Имайна посмотрела на Стига, а тот даже не соизволил повернуться. Он сидел на корточках, выставлял из коробок бутылки с алкоголем, делая вид, что моё присутствие совершенно его не интересует.

— Стиг.

— Сам крутись, Кайм. Или ты думаешь, что будешь врываться сюда с перекошенным от злобы лицом, рычать на меня, а я кинусь как посыльный исполнять твои приказы?

— Да, так ты и сделаешь. Ведь приказы советника хозяина должны быть исполнены без промедлений.

— Ты вернулся на службу к Лориэну? — застыл на месте Стиг, так и не поставив бутылку на полку.

— Он меня вернул, — выплюнул я. Дрожь в теле усиливалась. Руку жгло и выкручивало от стягивающей её татуировки. — И мне позарез нужна чистоплюйка, Стиг.

— Это связано с человеческой девочкой? — тихо спросила Имайна.

Ответ не прозвучал вслух. Он был отражен на моем лице. Весь страх за неё, боль, которую я сам умудрился ей причинить. Мои чувства к Виоле сквозили в воздухе. Их будто можно было потрогать, прикоснуться, чтобы затем они обратились в пыль.

— Кайм, — вдруг тепло протянула Имайна моё имя и, отбросив свою вонючую тряпку, обняла меня четырьмя ручищами. — Что же ты натворил?

— Влюбился.

— Ну ты и дурак, — прижимала она мою голову к своей груди.

Стиг наконец-то перестал делать вид, что перебирает бутылки и обернулся, смотря на нас исподлобья.

— А чистоплюйка тебе зачем? — проворчал Стиг.

Имайна расцепила руки, позволяя мне отойти от нее в сторону.

— Чтобы защитила её.

— От тебя? — хмыкнул он. В его голосе звучало не злорадство, а горькое понимание.

— От Лориэна.

Стиг шумно выдохнул, потирая ладонью подбородок, подошел ко мне почти вплотную и положил тяжелую руку на плечо.

— Если он решит действовать, её уже ничего не спасет.

— Чистоплюйка может официально взять её под опеку верхнего мира. Тогда есть шанс.

Стиг кивнул, отходя к столу.

— Небольшой, но есть.

— Может, тебе стоит с ним поговорить? — осторожно вставила Имайна.

— Ты вообще в своем уме? — удивился я. — Это лишь ускорит события.

— Как он узнал? — барабанил пальцами по столу Стиг.

— Вел сказал.

— Как давно?

— В самом начале, много лет назад. Когда я спас жизнь ей и её родным.

— Быть может, спасти её уже бессмысленно. Лориэн не бездействует, он выжидает. И только сейчас, возможно, он готов сделать ход, — попытожил Стиг. — Я найду Серафину. И если она поможет, и из этого что-то да выйдет, оставь девчонку в покое. Она всегда будет твоей слабостью. А Лориэн их ненавидит.

— Знаю. Иного выбора у меня нет.

Стиг словно прошел сквозь стену, исчезая из подсобки бара. Он не сказал ни слова. Молча натянул на голову кепку, накиннул потертую кожанку на плечи и испарился.

— Амур ведь жил с ней все те годы?

Я кивнул Имайне в ответ.

— Как эта девушка пережила смерть собаки?

— Догадайся, — взбесился я. — Херово!

Я закрыл глаза, мысленно ругая себя за грубость с другом.

— Ей было тяжело. Я слегка помог, приглушил боль. Чтобы она не заиклилась на этом.

— Это хороший поступок, — кивнула Имайна и вернулась в зал.

Каждый мой вот такой «хороший поступок» добавлял галочек в личном деле Виолы, которое хранилось у Лориэна.

Я прошел в зал следом за Имайной, сел за стол в самом дальнем углу бара и принялся ждать.

Немногочисленные посетители быстро потеряли ко мне интерес и вернулись к своим злободневным проблемам. Имайна стояла за стойкой, наливая свой виски в огромные бокалы.

Стиг с шумом прошел в зал. Почти снес с петель толстую дверь и обжег меня взглядом.

— Она всегда была остра на язык, — рычал он. — Но в эту встречу даже мой словарный запас пополнился.

— Что она сказала?

— Много чего. И то, что девчонке той всего восемнадцать тоже сообщила. Ты демон, да. Но у тебя были принципы. А тут... вчерашний ребёнок, Кайм.

— Я просил тебя о нравственной беседе?

— А ты разве просил вообще? Требовал! Она ждёт тебя в парке, где ты отдыхал до того, как...

— Я понял, — оборвал его я, поднимаясь на ноги. — Благодарю за службу.

Уходя, я чувствовал взгляды Имайны и Стига, направленные мне в спину. В них было и возмущение и жалость. А ещё лютый страх. И не только за меня. Они боялись и за Виолу. Может, их пугал сам факт того, что история повторялась, или они искренне переживали за человека, который стал дорог для их друга. Но я знал, что став подданными нижнего мира, лишившись жизни, они не отдали Лориэну ту часть себя, в которой оставались чувства и страхи за живых. Эти двое совершенно не знали Виолу, но беспокоились о ней, потому что она важна для меня и потому что знали цену человеческой жизни.

Серафина потягивала какой-то коктейль из пластикового стаканчика, сидя на спинке лавки. На ней была надета неизменная кожаная куртка и платье с ромашками. Грубые чёрные ботинки заканчивали этот абсурдный образ. Увидев меня, она лишь дернула бровью, сообщая, что заметила моё появление.

Что ж, я рассчитывал на истерику, и её спокойствие даже пугало.

— Я много чего от тебя ожидала, — сказала она, размешивая остатки крема в стакане. — Но точно не этого. Много раз представляла, как найду бездыханной и истерзанное тело Виолы, но ты умеешь удивлять!

— Мне нужно тебя попросить о..

— О, представляешь, — восторженно она и нацепила на лицо обманчивую улыбку. — Мне тоже нужно тебя кое о чем попросить! Какое совпадение, не находишь?

Я напрягся, глядя на пылающий взгляд белых глаз.

— Провались нахер в свою преисподнюю и не показывайся возле неё. Ты поступил как настоящий подонок! Что это было, Кайм? Всплеск демонической нравственности? Ты хоть понимаешь, что она умудрилась в тебя влюбиться?

И не только она. Но разве я должен отчитываться перед этой овцой?

— Ей плохо, Кайм.

В её голосе звучало нечто большее, чем просто опасения за человеческую девчонку. Серафина будто очень хорошо понимала, насколько болезненно та перенесла мой уход.

— Я знаю, — выдохнул я, и сел рядом с ней.

Мы смотрели на реку, на редкие теплоходы, проходящие мимо, и молчали.

— Она для тебя не просто часть сделки, обещания данного мне. Помогите ей.

— Я уже это делаю. И я добьюсь победы: заставлю её забыть тебя. Я буду стараться, чтобы её юное и живое сердечко зарубцевало все раны, и она вновь могла бы полюбить. Человека, такого же, как и она сама.

— Пусть так. Но её нужно защитить.

— На самом деле, — откашлялась она и метким броском зашвырнула пустой стаканчик в мусорку. — Я хотела тебя попросить встретиться с ней. Объясниться и проститься. Виоле это нужно. Знаю, от меня ты ожидал иного, я и сама немного в шоке, но нам обоим нужно действовать в её интересах.

— Я не смогу.

— Стыдно?

— Да, — признался я. — Очень. Но есть и другая причина.

Серафина медленно повернула ко мне голову и напряглась всем телом.

— Хозяин знает о ней. И будет использовать для давления на меня.

Ее губы задрожали, словно она не могла решить, стоит ей закричать от испуга или разразиться оскорблениями в мой адрес. Но ужас, отраженный в ее глазах, сказал многое. Она прекрасно понимала, какая опасность грозит Виоле. И это гораздо хуже того, что когда-то ее защитником стал демон. Ведь если на тебя обращает свой взор дьявол, может ли это хорошо закончиться?

— Как ты мог!? — оторопело смотрела на меня Серафина.

В её белых глазах трещал лед. Все её спокойствие вмиг растворилось, выпуская на поверхность ледяную ярость.

— Ты что, думаешь, я сам пошел и рассказал ему? О том, что спас ей жизнь, дал лишние годы жизни её отцу, приглушил метку на матери?! Думаешь я рассказал, что полюбил человека?!

Серафина беспомощно хватала воздух, глядя на меня с недоверием и непониманием. Будто только сейчас осознала, что я способен испытывать какие-то чувства. Она слышала то, что считала невозможным, возмутительным. Но ей придётся признать, что это случилось.

— Вы можете взять человека под свою защиту если есть риск вмешательства нижнего мира, — пытался я вернуть ее в эту ломающуюся реальность.

— Да, но этот человек должен быть важен для нас.

— Она важна для тебя.

— Я не все, Кайм, — грубо отрезала она, и задумчивость окутала её лицо. — Но я попробую. А ты все же должен встретиться с ней последний раз.

Серафина смотрела перед собой, её взволнованное дыхание успокаивалось, и хват напряженных пальцев на спинке лавки тоже.

— Ты впервые зовешь меня по имени.

— Настроение такое, — пожалала она плечами. — Сентиментальное. Даже убивать тебя не хочется.

Я хмыкнул, глядя себе под ноги.

— Тем более тебе и так херово, мне приятно это видеть.

— Не удивлен.

Какое-то время мы молча сидели рядом, думая о чем-то своем.

— Ты когда-нибудь любила? — вдруг не выдержал я.

Её лицо словно пропустило разряд тока. Серафина пожевала щеку, а затем тихо и нехотя ответила:

— Да. И это приносит мне много боли.

В текущем времени... Интересно. Я кивнул в ответ.

— Почему ты ушел? — неожиданно спросила Серафина.

— Я не должен был. Это все...слишком. Она травмированный человек, который нуждается в любви. А я...

— Трахнул её и смылся.

— Нет, я же..

— Ой, не надо! Ты сбежал! Нагло и подло. Когда я увидела её, она умывалась слезами.

— Как она сейчас?

— Нормально, — сквозь зубы сказала Серафина. — Но о тебе, козле, до сих пор думает. Знаешь как это называют люди? Поматросил и бросил.

Она затравленно хихикнула, обнажив ряд белых зубов. Заправила за ухо светлые волосы, и принялась вертеть головой, разминая шею.

— В любом случае, попрощайся с ней. Может, хоть так ты спасешь ей жизнь, если оставишь в покое. Этим вечером на школьном стадионе ты должен поставить точку. Виола будет ждать тебя там. Придумай, что ты скажешь, ведь эта встреча должна стать последней. Я же подумаю, как можно получить защиту нашего мира для неё.

Серафина поднялась на ноги и спрыгнула с лавки.

— Почему ты сняла метку с её матери только сейчас?

Она застыла, и когда её спина напряглась, а голова медленно поворачивалась ко мне, я уже знал ответ.

— Я думала, это сделал ты.

— В это время я был с Виолой на море.

— Отлично, Кайм! — заорала она. — Если это не ты и не я, то у нас завелся ещё один добродетель! — Серафина почти зашипела от негодования и указала на меня пальцем трясущейся руки. — Это твоя вина! Ты безалаберно отнесся к её жизни ради своей похоти! Не знаю на что ты рассчитывал, но ситуация с каждой минутой становится всё хуже и хуже! Ты просто идиот!

Серафина подскочила ко мне и отвесила пощечину, от которой зазвенело в ушах. Она замахнулась ещё раз, но я схватился за её тонкое запястье, подтянул вверх, привлекая ее ближе к себе.

— Не смей меня трогать. Я терплю твоё присутствие только ради Виолы. Говорю с тобой, унижаюсь, прося о помощи. Но все, чего я хочу — так это разорвать тебя на куски, а твои белые глазки отправить почтой вашему повелителю.

— Ты...ты... — Серафину откровенно трясло. В её глазах мерцал ужас, граничащий с истерией. — Ты трогаешь меня!

Стоило ей закричать это, как я разжал пальцы и выпустил её руку, и Серафина, не удержавшись на ногах, повалилась на асфальт.

Её голос сорвался на визг. Она тыкала пальцами в свою ладонь, в запястье, ища хоть малейшее покраснение, знак того, что её плоть отвергает скверну. Но кожа была чистой. Это

осознание ударило сильнее любой пощечины. Она взглянула на меня так, будто я был зеркалом, в котором она увидела собственное ужасное отражение.

Дыхание сперло, я развернул ладонь внутренней стороной к лицу, рассматривал кожу, искал на ней признаки ожогов, ран и гнили. Ждал неимоверной боли от касания Серафины, пузырей, черноты, жжения, но ничего не было.

— Как это возможно? — подскочил я. — Любое варево лишь слегка снимает боль, но ничто не способно убрать последствия! Кто-то из нас должен был почувствовать! Как ты это сделала?!

Это противоречило всему, что я знал за тысячелетнее существование. Прикосновение должно было доставить невыносимую боль, следы, которые нельзя убрать никакой силой.

— Это не я. Я не знаю! Так быть не должно! Неужели все потому что он...

Она не закончила, оборвала предложение и накрыла ладонью рот. Из распахнутых глаз лились слёзы, а изо рта грозился вырваться плач, смешанный с безумием.

— Это невозможно! Ты что-то делаешь со мной! Или...или это все тот яд, та жидкость, которую... — выдохнула она, зажмурившись, но какое-то осознание пришло сразу же. Серафина понимала о чем говорит, знала причину этой аномалии.

На мгновение воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь нашим взволнованным дыханием. Шум города пропал, будто мир с интересом наблюдал за актом кощунства, который мы совершили.

— Я стала такой, как ты!

Выплаканная фраза прозвучала так жутко, что внутри все похолодело. Серафина вскочила на ноги и исчезла, оборвав нашу встречу.

Я хлопал глазами, смотря в одну точку. Прикосновение ангела к демону обязано закончиться дикой болью. Так устроены наши миры.

Так себе демон. Может, в этом дело?

Это было странно. Противоестественно! О подобном не писали в книгах, не рассказывали в барах. Каждый знал, это попросту невозможно. Но я своими глазами видел — ни на Серафине, ни на мне не осталось и следа! Я держал её руку в своей без боли и малейшего жжения, а на щеке так и не появилось ничего, что могло бы свидетельствовать о её прикосновении.

Я прошелся ладонью по лицу, совершенно не понимая, к чему это приведет.

Виола была на трибуне стадиона, ходила туда-сюда вдоль ряда сидений, обняв себя руками. Порыв летнего ветра принёс её запах. Сладкий, свежий и тёплый.

— Я ждала, что пойдёт дождь, когда ты окажешься здесь, — выпалила она, повернувшись. — В моем мире.

Перед глазами вспыхивали картинки ночи, её раскрасневшееся лицо, идеальная фигура, мои ладони на её коже. Какая же она красивая!

Мои глаза смотрели всюду, но только не в её. Стыдно, тоскливо. Я знал, что увижу в них и боялся этого. Впервые мне было страшно узнать, какую боль я причинил человеку.

— Я не хотел, чтобы о моем появлении стало известно. Уже давно я это скрываю.

— От меня? — спросила она, закусив щеку.

Виола куталась в спортивную кофту на молнии, будто ей было холодно в этот жаркий вечер. Но я понимал, ей отчаянно хотелось закрыться, чтобы я не мог снова заставить её страдать.

— Нет.

Мы молчали, стоя друг перед другом. Одни на всём стадионе. Прекрасная рыжеволосая нимфа со своим ангелом-хранителем. Она не говорила, но я будто слышал её мысли. Вопросы, которые терзали разум Виолы с того дня, когда я сбежал из постели как перепуганный пацан. Мы оба сейчас стояли друг перед другом треснутые, напуганные и влюбленные...

— Виола, — выдохнул я. — Я даже не знаю, как мне все объяснить.

Все, что я хотел, это обнять её. Прикоснуться к её губам, вдохнуть аромат кожи. Почувствовать, как она дрогнет, прижмется ко мне, поделится своим светом со мной. Я хотел быть с ней. Как ангел-хранитель, друг, мужчина.

— Не думаю, что ты можешь как-то сделать хуже, чем есть.

Я не выдержал, посмотрел в прекрасные ореховые глаза. Прочитал в них все то, чего так боялся. Узнал, как сильно ранил её, унизил и предал. Тот, кто должен был защищать, тот кто сам дал это обещание, оказался не тем, каким она его видела. Виола продолжала держаться за образ классного парня, но не отрицала мою суть. Я исковеркал само понимание ангелов и демонов, сбил её с толку. Принёс в её жизнь опасность.

— Прости меня, мне правда жаль. Но...

— Я для тебя ребенок, — закончила она за меня мысль.

Рассказать ей про Лориэна я не мог. Это сделало бы её жизнь ещё сложнее. Знать, что находишься на крючке у самого хозяина нижнего мира, который ради того, чтобы приструнить меня, может сотворить с ней такое зло, что мне и не снилось, будет для Виолы настоящим кошмаром. Да и сам я вряд ли смогу оставить её, зная о страхе, который поглотит ее следом. Но каждая минута, проведенная рядом с ней, заставляет Лориэна принять решение.

Чтобы она смогла продолжать жить, мне придётся лгать. И эта ложь будет ужасной для нас обоих.

— Да. Я думал, что все будет иначе, но ты все тот же звереныш. Игрушка, питомец. Не знаю, что ты себе придумала. Неужели любовь? — я ухмыльнулся, и шрам на лице растянулся, уродуя лицо. И впервые я видел ужас в её глазах. — Демон и ты. Смешно.

— Ты врешь.

— А ты пытаешься убедить себя в обратном. Виола, детка, все, что я хотел, — продолжал я, давясь выговаривая каждое слово. — Трахнуть тебя. Очередную наивную дурочку. Но с тобой ведь пришлось бы повозиться. Вспомни хотя бы твои нелепые попытки доставить мне...

— Замолчи, Кайм, — резко выпалила Виола, и по её щекам потекли слёзы. — Я не верю ни единому твоему слову.

— Звереныш, — с железом в голосе проговорил я, схватив её за подбородок. — В твоей матери метка демона. Как ты думаешь, от кого такой подарочек?

Я выбил из легких Виолы весь воздух. Ее мир рушился на моих глазах. И это было чертовски больно.

— Нет.

— Ты упрямисься, — я провел рукой по щеке Виолы, стирая слёзы. На мгновение палец дрогнул, замер. Но я смог перебороть свою слабость, и оставить на ее щеке лишь ледяной след своего прикосновения. — Если хочешь, я заставлю тебя в это поверить. Показать?

Она замотала головой, сделав шаг назад.

— Пусть так, — гордо заявила она, вытерев рукавом лицо. — Говори, продолжай врать! Я знаю, что я чувствовала.

— Ты чувствовала лишь то, что я хотел, — рявкнул я, вызывая в Виоле остолбенение. — У меня нет больше времени на развлечения с тобой. Ты мне наскучила. Так что, иди домой и поплачь там как следует.

— Значит, я тебя больше не увижу?

— Только если я передумаю и захочу тебя наконец убить.

Ни одна из сказанных фраз не входила в мой план. Я отрепетировал речь, полную эмоций и чувств. Признаний и собственных страхов. Главной целью было успокоить невинное сердце, дать какую-то надежду. Смягчить наше расставание. Но когда я увидел её взгляд, полный любви и нежности, осознал, что это станет настоящей ошибкой.

Виола должна меня возненавидеть и забыть. Выжечь из своей памяти. Сама, без вмешательства моих сил. Это и есть залог её безопасности.

— Дуй домой, Виола. Мамочка заждалась.

Она смотрела на меня, заливаясь слезами. Как же мне хотелось сгрести ее руками. Вымолить прощение за весь сказанный мною бред. Исправить все, что я натворил.

— Кайм, — прошепстала её губы. — Обними меня в последний раз. Пусть это и игра, заверши её с честью.

— У демонов нет чести, глупышка.

— Ты не такой как все.

Я рассмеялся. Ветер закружился по стадиону, поднимая пыль. Мы стояли в эпицентре этой бури. Демон и человек. Разбитые, несчастные, влюбленные.

Виола распахнула рот, увидев за моей спиной чёрные, как уголь крылья. Рваные, острые. Мерзкие.

— Твоя мать тоже видела их. В тот момент, когда я убивал её сожителя. Нравится? Похожи я на ангела?

— Нет.

Все стихло так же быстро, как и началось, изумляя Виолу еще раз.

— Не жди меня. Не рассчитывай, что я как собачонка буду бегать к тебе. Женщин, настоящих, взрослых и умелых, в вашем мире достаточно. Так что скучать не буду. Беги домой.

Виола посмотрела на меня не с ненавистью, а с бесконечной печалью. Она больше не плакала. Закрылась, спряталась.

— Прощай, Кайм, — тихо сказала она. — Я тебе верю. Я верю, что ты именно тот урод, которым сейчас притворяешься. И мне тебя очень жаль.

Она прошла мимо, и я с силой вдохнул аромат пшена и яблок, любви и обиды. Пытался запечатлеть в памяти, чтобы тайком, пока никто не видит, вернуться к ней хотя бы мысленно.

Рыжий хвост мелькал все дальше и дальше, а я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, вновь исчезнув из моей жизни.

Глава 2

Кайм

Я прошел в большой зал, где Лориэн будто забился в угол, стараясь скрыться в тенях собственного жилища.

— Ты хотел меня видеть? — спросил я, привлекая его внимание.

Но Лориэн не удостоил меня взглядом. Лишь покосился и махнул рукой, указывая на соседнее кресло. Медленно я опустился в него, сразу же утонув в мягком бархате.

Я готовился к очередной схватке с хозяином, где моим оружием были бы внимательность, логика и холодный разум. Но, посмотрев на его отрешенное выражение лица, я понял, что в этот раз битвы не произойдет.

— Помнишь то время? — спросил он, приподнимая бокал в руке.

И в этот миг воздух в зале изменился. Алая жидкость сверкала в отблеске ламп, и с движением бокала всюду расползалась волна аромата — густая, как дым погребальных костров, и сладкая, как обещание власти.

— Неужто то самое? — выдохнул я, и изумление смешалось с предвкушением.

— Последний экземпляр. Правда, пришлось добавить побольше воды, оно обжигает горло, слишком терпкий вкус.

Лориэн склонился к столику и наполнил бокал для меня. Жидкость, вязкая, как кровь, медленно заполнила его, и я поймал себя на том, что затаил дыхание.

Это было как путешествие в прошлое. Финики, шафран и мёд. Терпкое пожарище разливалось сладостью прошлых триумфов. Я позволил себе на некоторое время задавить ненависть к Лориэну, воспоминания о недавних событиях, тоску по Виоле. Мне нельзя думать о прошлом, я должен сохранить предельную внимательность в настоящем, чтобы не допустить промахов, которые могут стоить ей жизни. Я качнул бокал в руке, и события другого прошлого, того, где были только я и Лориэн, вспыхнули в моей памяти.

— Сок жизни, — улыбнулся я, проваливаясь в воспоминания. — Так ты его называл?

Лориэн довольно кивнул и повернулся к дубовому комоду, рассматривая один из любимых антикварных трофеев — терракотовый рельеф «Царица Ночи».

— Ты нашёл ее?

— Уже давно. Разве мог я оставить ее людям? — притворно возмутился Лориэн, проводя пальцами по воздуху так, словно боялся прикоснуться к святыне.

Ассирийское вино, выдержанное в смольных кувшинах, пахло пылью военных походов и запекшейся кровью. На языке оно разворачивалось как древний свиток, выбивая из меня почти что молитвенный стон.

— Оно оживает, когда в него вливаешь холодную воду, — заметил Лориэн, завороченно рассматривая игру гранатовых бликов в бокале.

— Вино похоже на то воплощение. Твою власть. Крепкий и терпкий вкус, разбавленный кровью и слезами покоренных народов.

Лориэн прикрыл глаза, откидываясь на спинку кресла.

— Один из моих любимых моментов в истории. Пожалуй, лучшее воплощение.

— Согласен, — ухмыльнулся я.

Треск камина, запахи прошлого и легкий градус вина возвращали нас обоих туда. В воплощение, которое было самым длительным в моей жизни. Оно лишило меня разума, уничтожило душу, изменило историю. И сейчас, позволив себе вспомнить былое, я отпустил реальность, в которой Лориэн стал моим врагом.

— Я часто вспоминаю то время, Кайм. Воспоминания будоражат меня. Мир так сильно изменился. Да и не только мир, — слышался его тихий голос. — А ты? Ты помнишь?

Та часть меня, которая была черной, мерзкой, охочей до крови, лелеяла те годы. Ведь там я был собой.

— Будто это было вчера.

Для Лориэна это никогда не было игрой. Он поставил себе цель, и шёл к ней несколько десятилетий. Он вырастил для себя сосуд, направляя его предков, врагов, саму природу.

Артаксар взошел на престол, перечеркнув прошлое, изменив будущее. Его боялись, ненавидели, им восхищались.

Отец Артаксара подготавливал почву, укрепляя позиции страны. Он был дипломатом, военным. Построил ту колесницу, которой затем стал управлять великий царь, его сын. Стал для него образцом для подражания, но истинный путь тот узрел лишь в момент слияния с хозяином нижнего мира.

— Ты должен быть там рядом со мной, Кайм, — говорил тогда Лориэн. — Я хочу, чтобы ты своими глазами увидел мощь, которой мы можем одарить живых.

И я пошел за ним. Тогда, я бы немедленно сделал все, что угодно. Я верил в его идеалы и в самого хозяина. Для меня существовал лишь один путь, кровавый и полный криков. Последних криков.

Воплощение Лориэна и Кайма.

Ассирийский царь Артаксар и его правая рука Шаррукту.

Артаксар выхаживал по залу, останавливаясь лишь для того, чтобы в очередной раз взглянуть на дым, что затянул горизонт. Писарь склонился над свежей глиняной табличкой, усердно вжимая в неё стилус.

— Напиши, — не оборачиваясь, сказал царь. — Я, великий царь Артаксар, прошел по земле мятежников, оставляя за собой лишь угли. Я сравнял их города с землей, а на развалинах посеял пепел их детей. Мой новый щит украшает кожа их вождя, и он принимает на себя удары, предназначенные мне.

Стилус замер на миг, а затем заскользил по глине, оставляя на ней ровные ряды знаков, похожих на ряд копий.

Каждое слово царя, отточенное и жестокое, навечно врезалось в мягкую глину, которая следом, после обожжения, обретет твердую плоть.

Царь составлял свой собственный памятник ужаса, который просуществует целые тысячелетия.

— Шаррукту! — раздался его громкий бас, ударившись о каменные стены. — Входи! Я ждал тебя!

— Мой царь, — склонил я голову перед Артаксаром, вдыхая смесь запахов — крови, дыма и воска, что всегда витали возле него.

— Доволен ли ты?

После очередного набега на мятежный город я был волен сам вершить судьбы выживших. Это была моя награда, подарок царя.

Таких было мало. Несколько женщин, — их отдавали нашим воинам, и ещё меньше мужчин, которые показали себя не хуже наших. Они удостоивались чести сразиться со мной в последнем бою и умирали с оружием в руках, как и подобает воину. И в этом была наша последняя милость.

— Добавь, — обернулся царь к писцу, и его глаза блеснули огнем. — Любимец Бога, царь Артаксар своими руками сдирает кожу с вождя.

— И крик того был слаще музыки! — добавил я.

— Пиши, пиши! — подхватил следом царь, и его пальцы сжались в кулак, будто он вновь ощущал под ними трепет живой плоти.

Писарь корпел, выводя символы, преображая наши слова в торжественную речь, усыпанную эпитетами и восхвалениями. И когда все было готово, Артаксар лично сверился с записями и вынес свой вердикт. Его молчание было тяжелее горы, и юный писарь сжался, готовясь к худшему.

— Достаточно! — довольно кивнул он, а следом послышался расслабленный выдох юнца.

Царь рухнул на трон с резными ножками в виде львиных лап, и на мгновение по его лицу рябью прошла усталость. Факелы на стенах играли в тронном зале, бросая всюду тени. Шкура убитого тигра, что лежала подле его ног, казалась живой. Шерсть шевелилась от легкого сквозняка, будто зверь дышал во сне. Стены зала украшали барельефы, которые утверждал сам царь: вот он лично на колеснице, запряженной львами, следом шествие пленных с дарами.

Дворец был прекрасен, подстать ему самому. Вход охранялся гигантскими крылатыми быками из камня. Спереди казалось, что они стоят, а сбоку — идут, символизируя вечное движение. Такое же, как у моего царя.

Он покорял город за городом. Не оставлял в живых мятежников. Он считал, что лучше всего показать силу сразу.

— Я уничтожу один город, — говорил он. — Спалю его дотла. Но следующие пять покорятся мне!

— Ты закончил с пленниками? — нахмутив свои густые брови, спросил царь.

— Я благодарю тебя за такой подарок, — поклонился я. — Закончил. Каждый утолил свой голод.

На мгновение я увидел на его лице улыбку Лориэна, и ответил своей — кривой ухмылкой Кайма.

Царь не любил брать пленных. Он желал уничтожить каждого, кто осмелился высказать свой протест. Пленники были редкостью, подарком для военачальника, жест доброй воли царя и дьявола, обитавшего в нём.

— Тогда мы должны готовиться к взятию Уру-Намтара! — громыхал Артаксар, ударяя большой ладонью по подлокотникам.

Зловещая ирония состояла в том, что название обозначалось как «город судьбы». Что ж, посмотрим, на чьей стороне будут их боги.

Уру-Намтар раскинулся на высоком берегу реки, прямо у горного перевала. Они контролировали караванный путь, были богаты, горды и почти мертвы.

— Их воины упорны, — говорил я, хотя уже видел их сломленными. Никто не способен выстоять против нас.

— Отправь к ним послов, — прорычал царь. — Пусть покорятся мне! А если нет...

Его последние слова повисли в воздухе, густые и сладкие, как мёд, смешанный с ядом.

Три царских посла были казнены через сутки после прибытия в Уру-Намтар. Артаксар с ледяным восторгом принял от меня, своего военачальника, эту весть. Он будто ждал, когда мятежники самостоятельно вынесут себе приговор.

Наше войско, словно лавина, сметало деревни на подступи к городу. Огонь поглощал дома, крики людей смешивались со звоном стали и ржанием скота. Воздух стал густым от запаха гари, крови и страха.

Артаксар, восседая на своем Нисейском коне, чья шкура отливала золотом в зареве пожаров, медленно проезжал по улицам.

Нискалум, как эталон боевого коня, ступал гордо, величаво задрал голову. И молчание вокруг было красноречивее любых криков.

Осада города была подготовлена до мельчайших деталей. Мы окружили Уру-Намтар тысячами заостренных кольев, увенчанных головами убитых деревенских жителей.

Всю ночь я, стоя в темноте, освещенный факелами, выкрикивал имена тех, кто будет казнен, когда мы войдем в город.

— На рассвете вы станете учить своих детей познавать этот мир по крикам! — несло в ночную тишину. — Ваша кожа станет украшать наши щиты! Смотрите! Смотрите друг на друга! Уже завтра вы лишитесь глаз! А следом и жизни!

Мой голос был первым клином, вбиваемым в их волю.

Артаксар терпеть не мог слабость и предательство. Каждого перебежчика, который снабжал нас информацией, он после убивал собственными руками. Заставлял их страдать, молить о пощаде, и они молили, верили в снисходительный взгляд царя, даже не задумываясь, что милосердие царю неведомо.

Я вдыхал их страх: ледяной, колющий. Упивался им, предвкушая будущее. Кровь в венах закипала, ноги сами несли меня в бой. Каждый шрам на теле воина Шаррукту словно распял нас обоих.

Воплощение с Лориэном кардинально отличалось от всех прочих. Слияние с человеком было молниеносным. Никакого сопротивления или отторжения. Это было не подчинение, а признание. Он вдыхал мою силу, как свежий воздух, позволял управлять телом и разумом. Шаррукту не уступил, он пригласил меня встать подле, почтено склонив голову и растягивая рот в зловещей ухмылке.

— Чувствуешь? — спросил Лориэн губами Артаксара. — Запах смерти! Она возле, кружится и выжидает.

— Все на благо нижнего мира, — поклонился я хозяину.

— Человек не знает истинной ценности жизни, — разочарованно произнёс он. — Стремления и желания затмевают все. Войны, убийства — только это имеет для них смысл.

— Как и для нас, — вставил я, удивляясь маске задумчивости, возникшей на лице царя.

— Для нас тоже не существует выхода, — чуть тише сказал он, поглаживая бороду, заплетенную в косички. — Мы делаем то, что от нас ждут. Я прославил имя Артаксара, я прославил себя самого. Я исполнил их желания, Кайм. И я продолжу это делать, отвечая на их мольбы.

Шли последние приготовления, приближая горожан к их смерти.

Тараны обшивали шкурами, вымоченными для защиты от огня, лазутчики приносили сведения о сокрытых входах, пехота и лучники отоспались, получили еды, вина и женщин, и, предвкушая дары царя за будущую победу, стояли наготове.

Лориэн в облике царя всегда принимал участие в набегах. «Делай то, что приказываешь своим людям» — и для него это были не пустые слова.

Артаксар, чьи глаза заволочла тьма, восседал на золотом коне. Я, облаченный в чешуйчатую кольчугу, был, как всегда, по правую руку от него. Здесь и в нижнем мире. Всегда и где угодно.

На рассвете под стенами города, мы оба чувствовали людской страх. Они знали, что умрут. Правда, не представляли как именно.

— Только прикажи, — шипел рядом со мной один из воинов. — И мы возьмем эту стену.

В отражении его глаз я видел Шаррукту — узкие глаза, смуглая кожа, ровно подстриженная борода, заплетенная в такие же как у царя косички. И главное, взгляд как у меня самого — безумный и безжизненный.

— Нам не нужно её брать, — отозвался я, вызывая оторопь у старого воина. — Мы сломим их волю. Поверь, это будет ещё страшнее.

Я махнул рукой, и следом мощный рог подал сигнал. Ему отвечали другие, разнося по округе гнетущий гул.

Артаксар довольно ухмыльнулся, почувствовав волну ужаса, что шла от городских стен.

— Покажи, Кайм, — сказал он так тихо, чтобы слова мог слышать лишь я один. — Пусть они узрят!

Лучники усыпали стены стрелами, пока вперёд бежали пехотинцы, таща штурмовые лестницы. Воины Уру-Намтара, наконец, показались из-за зубцов башен. Они сбрасывали камни и зажженные стрелы на наших воинов, обратив все свое внимание на этот отвлекающий маневр.

Осадные тараны медленно подкатывали к главным воротам. Бревна, увенчанные металлическими наконечниками и цепями, ритмично звенели под навесом из мокрых шкур.

Скрежет и монотонный звук удара тарана по воротам раздавался в унисон с сердцебиением горожан. Каждый стук — удар в груди. Каждая трещина — разлом их воли.

Когда осадные башни подвезли к стенам, я покинул царя. Я должен был возглавлять наших воинов. Пролить кровь, напитать людские земли.

Пехота действовала строго по моей указке: слаженно, сомкнув строй. Они прорывались в дыры в стене, не оставляя никакого шанса разрозненным защитникам.

Как только ворота пали, а наше войско ворвалось в город, битва превратилась в настоящую резню. Запах крови приятно щекотал нос, а руки крепко держали оружие.

— Не оставлять выживших! — прокричал я и занес меч, отсекая голову женщине, спасающейся от пожара. — Мы пришли забрать его себе! Так очистим же город!

Наши воины были везде — в каждом доме, амбаре. Они выносили все, что могло иметь хоть какую-то ценность, а следом поджигали жилища, оставляя лишь пепел да угли. Пожар начался с нескольких концов города, медленно подползая к его центру — жилищу вождя.

Артаксар въехал в город сразу после его падения. Он как судья, как главный зритель, должен был убедиться, что цель достигнута. Верхом на Нискалуме он медленно шел по улицам, оценивая работу его воинов.

— Пощади нас, великий царь! — взмолился старик, схватившись за ногу царя.

Конь остановился, и Артаксар смерил просителя ледяным взглядом.

— Я не дарую пощаду, — ровным голосом ответил он. И каждое его слово звенело в тишине мертвого города. — Лишь смерть.

Его копьё пробило голову старика, следом раздался хрип и легкий стук от удара тела о землю. Царь, ухмыльнувшись, последовал дальше.

— Покажи мне, — потребовал он. — Что мы получили в этом городе.

Артаксар, восседая прямо на руинах храма, смотрел, как наши воины складывали перед ним сокровища Уру-Намтара. Золото, серебро, картины, что-то ещё. И тут взгляд царя разгорелся, когда он увидел, как один из воинов несет в руках терракотовый рельеф.

— Ну же! — поманил он его к себе. — Принеси!

— Вождь, — указал я на пленника. — Как ты и просил, живой.

Царь отвлекся от созерцания старинного рельефа и поднял свой взгляд на мужчину, законного в цепи.

— Твой город выстоял? — спросил его царь. — Ты убил моих послов, унизил меня. А теперь смотри, во что я превратил твой город судьбы! Я сотру его с лица земли. Никто не вспомнит ни о тебе, ни о нём. Есть я и моё царство! А вы отправитесь гнить в землю! — крикнул царь, отворачиваясь к рельефу. — На пику его! Пусть видит, как горит его наследие!

Я лично проследил, чтобы острие не задело жизненно-важных органов. Смерть вождя должна быть медленной, чтобы тот мог видеть, как мы перепаживаем земли его города, чтобы засыпать в борозды соль.

— Его смерть будет засвидетельствована, — прокричал мне царь. — Останется в истории для прочих глупцов!

Шаррукту внутри меня стонал от удовольствия. Каждая отнятая жизнь, пролитая капля крови, вызывали в нём восторг. Он шептал, что умереть должны все, и в этом я был с ним абсолютно согласен.

Артаксар вернулся к реликвии, пока я руководил казнями. Все выжившие в городе были убиты. И за их казнь следил сам дьявол. Отрубленные головы горожан были сложены в пирамиду, а их мертвые глаза смотрели прямо на храм, будто это было их последней молитвой, принесенной богу. Правда, тот её не услышал.

— Город сжечь дотла, — отдавал я последние приказы. — Землю посыпать солью!

Сидя верхом на коне, я смотрел, как город превращается в руины. Гонцы уже понесли весть в другие города, разнося слова царя: «Такова воля великого Артаксара. Поклонитесь мне, иначе я заберу ваши земли и ваши души».

— Сколько мы там пробыли? Одиннадцать лет? — спросил Лориэн, стукнув бокалом по столу.

Я вздрогнул, выскальзывая из прошлого.

— Шестнадцать, — поправил я его.

— А сколько ушло на подготовку...

Пока мы предавались воспоминанием, ассирийское вино в кушвине успело закончиться, оставив после себя лишь грусть по былому.

— Я ничего не делал просто так, и ты это знаешь, — произнес Лориэн, поднимаясь на ноги. — Опять же, их миру нужен был такой правитель, как Артаксар. Я направил его, подарил цель. Думаешь, иначе он стал бы менее кровожаден? Нет, отнюдь. Без меня он не смог бы мыслить системно, и его правление не стало бы столь масштабным.

— Ты решил обуздать царя.

— Чтобы он не стал проблемой, я решил сделать из него союзника, — кивнул Лориэн. — Знаешь, как он умер? В своей постели, и вместо последних слов своим родным, он благодарил меня. Выказывал свои почтение и признательность.

— Его имя-то сих пор на слуху, — подтвердил я. — Как и твое.

— А вот твое забыто, — Лориэн резко подошел ко мне, нагнулся, вцепившись железной хваткой в подлокотники кресла, и его дыхание обжигало лицо. — Не только в их мире, но и в нашем. Где тот великий демон, о котором слагали легенды? Одно упоминание о том Кайме вызывало ужас. Тебе поклонялись, тебя боялись. А тут раз — забыли.

— Меня это вполне устраивает, — процедил я, поднимаясь.

Ни разу за свое существование я не вступал с ним в открытый конфликт. Не из-за страха, а потому что доверял, смотрел в одну сторону с Лориэном и уважал. Но теперь же наши пути, как и взгляды, разошлись.

— Я хочу, чтобы ты вернулся.

— Свое согласие я тебе уже дал, — прорычал я. — Что еще ты от меня хочешь? Клятву на крови?

Лориэн смотрел на меня с легкой улыбкой на губах, как на школьника, вступившего в дебаты со взрослым.

— Мне нужно не просто назначение на должность. Мне нужен тот Кайм, который когда-то стоял возле меня. Не мягкий и добрый интроверт, а настоящий демон.

— Ты хочешь безмозглую машину для убийств.

— Этого у меня как раз достаточно, — громко рассмеялся он, разводя руки в стороны. — А вот думающих мало. Поразмысли над этим, когда будет время, Кайм. Ты мне нужен. Как тогда, в Ассирии, так и сейчас.

Я сжал кулаки, заставляя себя промолчать.

— Ты четко помнишь то воплощение? — лицо Лориэна исказилось, привычная хладнокровность испарилась, уступив место язвительной насмешке. — Каждую деталь прочих воплощений?

— Я всегда помню все!

Лориэн засмеялся, и от этого звука у меня похолодели пальцы. Он отошел к окну, и, всматриваясь в тяжелое небо, закончил нашу встречу:

— Увидимся, сейчас же ты свободен. Уйди с глаз моих!

Гален

Серафина сидела за столиком в кофейне, покачивала ногой и смотрела в стену. Один взгляд на нее заставил сердце болезненно сжаться.

— Не думал, что встречу тебя здесь.

Она никак не отреагировала на моё появление. Лишь сильнее стиснула челюсть.

— Сменила одежду, — сказал я и отодвинул стул, чтобы присесть. — Тебе идёт.

— Уходи.

Я опешил от звучания ее голоса. Это была не злость, не ненависть. Вернее, это все было, но направлено не на меня. Я все же сел и внимательно взгляделся в её лицо.

— Что с тобой?

Под глазами виднелись темные пятна, видимо, она накрасилась, и от слез косметика растеклась, рисуя чёрные реки на щеках и подчеркивая мешки под глазами. Кожа покрылась мурашками, Серафина совершенно не контролировала себя, раз испытывала холод.

— Уходи, — повторила она.

— Давай уйдем вместе, — продолжал я. — Я не оставлю тебя одну. Куда ты хочешь отправиться?

— Я хочу исчезнуть, Гален. Умереть. Я совершенно не понимаю, что происходит в моей жизни. Не знаю, чего ждать дальше. Каких еще мучений подкинет мне судьба! Или он...

Видеть, как она плачет было тяжело. Я сразу вспомнил пыточную камеру и её слезы на грани с истерикой.

Я опустился на колени перед ней и осторожно положил ладонь на голые коленки. Холодные, костлявые.

— Не говори так. Я помогу тебе, только Расскажи мне, что тебя тревожит?

— Я сама. Я и есть проблема! Мне нужен Ивион. Только он объяснит мне все! Но он не желает меня видеть! Отправил меня подальше. Даже не удосужился сказать лично! Секретарь, как обычно, с отсутствующим взглядом, передала, что в приеме отказано!

Она тряслась, плакала, бросалась словами так быстро и сумбурно, что я не все мог разобрать. Но одно я знал точно: сейчас ей было чертовски больно и страшно. И не от физических ран. То, что терзало Серафину, действительно было в ней самой.

— Вставай, — потянул я её за руку. — Хочешь страдать и плакать? Отлично. Но не на виду у всех.

Почти волоком я потащил её по улице, за угол, а там, вдали от любопытных глаз, перенёс нас с ней в заповедник, где на многие километры вокруг не было ни одной живой души.

Я согрел её, передав через прикосновение свою силу. Плечи Серафины расправились, а на лице появилось подобие румянца.

— Так ты решила сменить стиль одежды? — пытался я ее разговорить.

— Ничего я не решила, — отмахнулась она и, обняв себя руками, пошла вверх по тропинке.

Я двинулся следом, не переставая задавать вопросы.

— Отстань от меня! — взорвалась Серафина. — Все со мной хорошо! Я не хочу разговаривать! Ничего я не хочу!

— Я это уже слышал, но не понял причину. Поговори со мной.

— Гален, — остановилась она резко. — Ты тупой?

Я не сдержался и рассмеялся, вызвав в ней удивление. На миг она растерялась, попытки самоуничтожения были брошены, теперь она всерьез размышляла, адекватен ли я.

— Я-я-ясно, — кивнула Серафина и пошла дальше.

— Ты же понимаешь, — нагнал я её, когда смог успокоить странный приступ веселья. — Что я не отстану.

— Да, это очевидно.

— Хорошо. Тогда вот там, — показал я пальцем. — Сверни налево. Там безумно красивый вид, тебе понравится.

Она сделала все так, как я и предвидел — повернула направо. Но туда-то я и хотел её привести.

Мы стояли на возвышенности, откуда открывался поистине фантастический вид. Пышные шапки деревьев пестрели всеми цветами. Где-то вдалеке кричали птицы и шумела горная река. Я махнул рукой и перенёс два туристических стула. Разложил их, указал Серафине на один, а сам сел на второй. Фыркнув, показывая возмущение, она все же опустилась в него, закинула ногу на ногу и, покачивая массивным ботинком, смотрела вперёд.

— Держи, — протянул я самую большую пуговицу, что нашлась в кармане.

— Мне это не надо. Это по твоей части, — поморщив нос, сказала она.

Я не убрал руку, Серафина все же взяла её и принялась катать между пальцами.

Солнце закатывалось за горизонт, а для нас открывалась иная красота природы. Вечерняя, тихая, будто бы настоящая.

— Если я задам тебе вопрос, — нехотя начала она. — Ты дашь на него честный ответ?

— Ты же понимаешь, что я могу быть связан обещанием.

— Но я ещё не озвучила его, — изогнула она бровь. — А ты уже отказываешься.

— Чутье подсказывает мне, что вопрос будет именно из разряда запретных. Но ты можешь попробовать. Я хотя бы честно скажу, смогу ли я на него ответить.

— Что влил в меня Ивион? — выпалила она и повернулась.

В её взгляде было столько боли и страха, что я не мог вдохнуть воздух, запнулся на мгновение и вылупился на неё, как истукан.

— Я отвечу. Но поверь мне на слово, мне не все известно. Думаю, это яд из нижнего мира. Но что конкретно было в том флаконе, я не знаю.

— Где ты его взял?

— Не я, — замотал я головой. — Это Ивион дал его. А как раздобыл, не доложил.

Серафина вздохнула, прикрыла глаза и вцепилась пальцами в подлокотники, так сильно, будто вот вот их вырвет.

— Со мной что-то не так, — тихо произнесла она и слёзы вновь покатились по её щекам. — Я стала другой.

— Это было, — пытался я оправдать ее. — Это было серьезное потрясение, оно не пройдет бесследно.

— Ты не понимаешь, — плакала она. — Я виделась с Каймом.

— Тот демон, — кивнул я, а сам тоже вернулся в воспоминания.

— Я дотронулась до него, — еле слышно произнесла Серафина.

Все, что я хотел ей сказать, выветрилось из головы. С языка слетали только «э-э-э», «м-м-м», еще больше пугая нас обоих.

— А где же, где же следы? — удивленно я рассматривал ее кожу, но нигде не видел и намека на соприкосновение с демоном.

Сам-то я прекрасно помнил, как выглядят такие следы.

— А вот тут и начинается всё самое интересное, Гален. Следов нет ни у меня, ни у него.

Серафина сбивчиво, слишком эмоционально принялась рассказывать о произошедшем, путая меня все больше и больше. Она волновалась за Виолу, за себя, даже за Кайма. Ее обидело поведение Ивиона, а главное — ей было безумно страшно.

— Я никогда не слышал о подобном. Все случаи взаимодействия заканчивались жуткой болью. Поверь, я знаю о чем говорю. Ты пытаешься связать это с ядом?

— А с чем ещё это можно связать? — взвизгнула она. — С Божьим провидением?

— Если задуматься, то да, ты права, — ответил я, склоняясь вперед. — Когда ты докоснулась до меня в доме Ивиона, я почувствовал боль. Не такую как... Как тогда. Но все же это было похоже.

— Моё прикосновение стало как прикосновения демона?

Я кивнул.

— Но Ивион же не чувствовал ничего подобного! — взвилась она. — Мы провели вместе много времени и касались друг друга в ра...

— Давай без подробностей. Этого я точно знать не хочу, — отвлек я её от очередного ухода с темы. — С кем-то ещё из наших ты взаимодействовала?

— Пф, я же подстилка повелителя. Та, об кого он вытер ноги, а затем вернул в свою постель. Конечно, нет!

Это было действительно так. Страх и удивление в верхнем мире через некоторое время сошли на нет и превратились в злобу. Ведь та, кто совершила что-то непростительное и была подвергнута страшным пыткам, вновь согревала повелителя ночами.

— Значит, только Ивион, я и Кайм?

— Ну Виола ещё, но она не считается.

— На неё это не распространяется, верно.

Я уперся локтями в колени и размышлял, пытаюсь найти ответ на эту загадку.

— Расскажи мне о том случае, когда ты... когда тебя коснулся нижний мир.

Я понимал, почему она просит меня об этом именно сейчас. Рядом с ней больше нет никого, кто имел близкий контакт с нижним миром и выжил.

Это не праздное любопытство, не желание пролезть мне под кожу. Серафине требовалось отвлечься, и да, хотелось провести некие параллели.

— Мне хочется помочь тебе. Возможно, это каким-то образом поможет нам в разгадке этого происшествия.

Правда как, я и сам не понимал.

— Если ты, конечно, готов к такому разговору, — извиняясь добавила Серафина.

Я никогда не буду к нему готов. Спустя годы и века ничего не изменится. Но я должен хотя бы попытаться. Ради неё, быть может, я правда смог бы ей помочь.

Воспоминание о Лидии.

Солнце светило так ярко, что не спасали даже плотные шторы. Я городил перед лицом стены из одеяла, но настырные рассветные лучи выгнали последние сны.

На тумбочке возле кровати лежал конверт, где красивым витиеватым почерком было выведено мое имя.

Я не сдержал протяжного и вымученного стога. Догадка, что же там внутри, молниеносно проскользнула в голове.

Пару дней назад Ивион рассказывал об очередной театральной постановке, которую он посетил, а я ради приличия задавал множество вопросов о ней и, похоже, перестарался.

«Гален, надеюсь, ты останешься в восторге! Для тебя билет в театр на лучшее место! Само собой, сегодня у тебя выходной!!!»

Ивион».

Аж три восклицательных знака. Видимо, ему надоело, что каждый раз, когда он дает мне возможность отдохнуть, я все равно появляюсь на работе.

Я любил человеческий мир. Он не казался мне грязным, противным. Посещая его, я будто возвращался в прошлое. В то время, когда сам был живым.

Как и Ивион, я наслаждался красотой природы и не особо любил шумные мегаполисы. Но сегодня мне все же предстоит провести вечер именно там, в толпе, среди людей.

— Куда намылился? — спросила Серафина, преградив путь.

Она спустила на шею огромные наушники, и я слышал, что в них играет какой-то заводной трек, явно человеческого сочинения. Она нажала кнопку, останавливая музыку, и повторила вопрос.

— У меня выходной.

— Ого! — удивилась она и подошла ближе. Ее тонкие руки потянулись ко мне, и она бесцеремонно принялась поправлять воротник моей рубашки. — Надо же! Ты и выходной. Эти понятия несовместимы так же, как верхний и нижний миры, Гален!

— Серафина, — я снял с себя ее руки. — Займись делом.

— Именно это я и делаю, — подмигнула она, и, взмахнув белыми волосами, упорхнула дальше по коридору.

Мне нравилась эта дерзкая особа. Она умела постоять за себя, закрыть рты сплетникам. Серафина быстрая и хваткая. За это её и любил Ивион. Были и другие причины его чувств, но обсуждать такое было неприемлемо.

Все в нашем мире знали, что они были любовниками. Много раз я ловил взгляд Ивиона, скользящий по Серафине. Полный нежности и влюбленности. Но он быстро прятал его, не позволяя даже ей заметить короткое проявление чувств. За излишней требовательностью к ней повелитель прятал все самое сокровенное.

В человеческом мире наступила зима. Снег медленно падал большими хлопьями. Всюду были яркие и мигающие украшения, новогодние елки и горячие напитки с ароматами корицы и апельсина.

Я шел по площади, рассматривая улицу. Казалось, что я попал в настоящую сказку. Хотелось остановиться, задрать голову вверх и высунуть язык, ловя снежинки. Я рассмеялся вспыхнувшему желанию, мотнул головой, поражаясь сам себе, и пошел дальше.

На катке играла музыка, лед скрипел под лезвием коньков, а со всех сторон раздавался задорный смех. Я засмотрелся на компанию молодых ребят, которые падали, поднимались и снова падали, громко, радостно крича, и даже не заметил, как врезался в девушку, выходящую с катка. Она не успела снять коньки, из-за чего не удержала равновесие, резко полетела вниз, к земле, хаотично размахивая одной рукой, а второй пытаясь зацепиться за мою куртку.

Я сразу поймал её, удерживая над землей, будто пушинку. Она улыбнулась, застыла, а на лицо ей падали снежинки, моментально тая на разгоряченных розовых щеках.

— Простите, — весело откликнулась она. — Совсем не смотрела куда иду! Спасибо, что подхватили!

— Это вы меня извините, — как замороженный говорил я, не сводя взгляда с её голубых глаз.

— Лидия, — девушка сняла варежку и протянула вперёд хрупкую и тёплую ладошку.

— Гален, — машинально ответил я и прикоснулся к нежной руке.

— Какое необычное имя! — зазвенел её голос. — Очень красивое! Словно сказочное!

Она тараторила без остановки. Говорила все, что ей только приходило в голову, без тени страха или расчета. Легко и непринужденно показывала все свои мысли. А я улыбался, забыв о привычной осторожности. Смотрел на неё и не верил своим глазам. Неужели люди бывают такими? Чистыми, нежными, нереальными?

— Вы тоже на каток?

— Нет. Я шел в театр.

— Тогда не буду вас задерживать! — выпалила она, и ее яркие глаза слегка померкли.

— Приятно было познакомиться. И ещё раз спасибо, что не позволили мне упасть!

Как же я могу уйти? Все моё существо требовало остаться, быть рядом. Сегодня и всегда! Я не упал, но пропал.

— Лидия, — откашлялся я. — Не хотите ли составить мне компанию? У меня два билета.

Я соврал. Ивион вложил в конверт только один билет, но я уже решил, что если она согласится, я сделаю все, что угодно, но она пройдёт в зал вместе со мной. Будет ли это волшебство, шантаж или сила убеждения...

— С радостью, — улыбнулась она, и ее глаза снова зажглись. — Только мне нужно переобуться!

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. И подумал, что ради этой улыбки я готов простоять здесь, под снегом, целую вечность. Ладонь скользнула под пальто, где во внутреннем кармане лежал конверт с билетом. Кончики пальцев покалывало, пока я силой мысли сотворял второй билет. Что ж, тот, у кого он был изначально, будет слегка расстроен. Но я уверен, что мне он сейчас нужнее...

— Я, правда, не была готова к походу в театр, — сконфуженно произнесла она, окинув себя рукой.

На Лидии были джинсы, дутые сапоги и из-под воротника мешковатой куртки торчал вязаный свитер.

— Это просто спектакль, — ответил я с улыбкой. — А вы выглядите прекрасно, не важно, что на вас надето. Важнее другое.

— И что же? — весело спросила она, шагая рядом.

В её глазах отсвечивали гирлянды, раскрываясь безумными искрами. Я не мог оторваться от этой картины, смотрел только на неё, напрочь забывая про необходимость следить за дорогой.

— Гален! — рассмеялась Лидия и схватила меня за руку, уводя от столкновения со столбом. — Теперь моя очередь спасти вас!

В театре меня не покидало волнение. Я надеялся, что истинный владелец билета попросту не придет, и мы избежим разбирательств. Мне не хотелось краснеть в присутствии Лидии или спорить с сотрудниками театра, показывая себя с не лучшей стороны... но вселенная сегодня была за меня!

Мы прошли в зал и сели на свои места. Пятый ряд, центр зала. Сцена перед нами, и мы рядом друг с другом. От Лидии пахло апельсинами. Так ярко, что я облизнулся. Среди холода, снега и толпы была она: яркая, теплая и необычная! На её лице всегда была улыбка, словно Лидия радовалась каждой секунде своей жизни. Невозможно было не смотреть на неё.

Я совершенно не помнил о чем был тот спектакль. Я смотрел на сцену, улыбался вместе с остальными зрителями, но мысли мои касались только женщины, что сидела возле меня. Так близко, что наши бедра соприкасались. Порой она бросала на меня короткий взгляд, улыбалась

ещё шире и вновь обращала свое внимание к актерам. Ее смех, похожий на нежное пение птиц, казался лучшим звуком во всех трех мирах.

Впервые я был счастлив, что взял выходной.

Я не трудоголик. Всего лишь одиночка. Только рядом с самим собой я чувствовал себя целым. Но Лидия одним лишь своим появлениям доказала, как сильно я ошибался.

— Мне очень понравилось! — воскликнула она, когда мы вышли на морозную улицу. — Игра актеров на высоте! Знаете, я рада, что упала к вам в руки!

— Я тоже этому рад, — тихо отозвался я и протянул ей ладонь.

Мы гуляли по ночному городу, рассказывая друг другу разные истории. Лидия говорила о своей семье, о сестрах и своих попугаях, о работе, а я пытался адаптировать истории своей жизни для неё, слегка меняя их или умалчивая детали.

Мы держались за руки, и я наполнял её теплом, стараясь продлить нашу прогулку как можно дольше. Но этот вечер все же закончился.

— Спасибо, — сказала она, когда мы подошли к подъезду её дома. — Я отлично провела время.

Как же я не хотел её отпускать! Глаза девушки светились счастьем, мне хотелось в них утонуть...

— Лидия, можем ли мы увидеться ещё раз?

— Буду рада, — подтвердила она и нехотя выскользнула из моих рук. — Доброй ночи, Гален!

Она ушла, но перед этим написала на моей руке номер телефона. Я сразу же запомнил заветные цифры и, попрощавшись с ней, принялся выдумывать способы связи с ней, ведь стационарного телефона в верхнем мире не водилось.

— Как тебе постановка? — спросил Ивион, проходя мимо меня к своему месту во главе стола.

Я слишком запоздало отреагировал на его вопрос, чем вызвал взгляд — холодный и задержавшийся на мне на секунду дольше, чем следовало.

Прошло три дня после моего знакомства с Лидией. Все свободное время я проводил в мыслях об этой девушке, о проведенном с ней времени. Я блуждал в своих мечтах, и перед глазами стоял лишь ее образ. Повелитель устроил очередное совещание, где присутствовали главы определенных отделов, а так же мы с Серафиной.

— Ну что ж, — начал вещать Ивион. — Раз все на месте, то начнем. Пришла пора обсудить довольно важный вопрос, который уже несколько лет терзает ваши умы...

Что это был за вопрос, к чему пришли и что вообще говорили за этим столом — я не запомнил. Даже не слушал, полностью погрузившись в себя. Вспышка каждого воспоминания заставляла сердце биться чаще, заглушая важный голос повелителя.

Слева сидел довольно крупный мужчина, и его могучий торс скрывал меня от цепкого взгляда Ивиона.

— Всем спасибо, — снова послышался голос повелителя. — Свободны.

Заскрежетали стулья, я подскочил следом за всеми, озираясь по сторонам.

— Где летаешь, Гален? — спросила Серафина, подмигнув мне одним глазом.

— Тебе показалось.

— Ну да, ну да, — язвительно ответила она и вышла из кабинета.

Я стал рассеянным, отстраненным. Все здесь казалось чужим. В висках стучала лишь одна мысль: Лидия.

Каждую свободную минуту я думал о ней, спешил к телефону, позаимствованному из другого мира, а закончив работу, в которую даже не пытался погрузиться, мчался к ней. И там я жил!

Я влюбился так быстро, что сам не понял этого. Она стала моим воздухом. Мир, укутанный снегом, казался вымершим. И только мы вдвоём продолжали жить.

Я удивлял её «фокусами», замораживая лед, вызывал искры, учил её забавным фразам на разных языках. А Лидия учила меня простым человеческим радостям.

Безмятежное счастье длилось пол года, но казалось самым важным за все мое существование.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — прошептала она, лежа у меня на коленях.

Лидия нервно накручивала на палец локон волос и посматривала на меня снизу вверх, стараясь уловить каждую эмоцию на моем лице.

— Больше всего на свете я хочу остаться здесь, — произнес я и накрыл её лоб легким поцелуем. — Но не могу.

— Тогда давай посмотрим фильм, — поднялась она, смахнув слезинку с лица. — Я обещала показать тебе свой самый любимый!

Веселье снова вернулось на её красивое лицо. Лидия улыбалась глазами, глядя на меня, а затем прижалась к моему плечу, позволяя обнять её.

Мы смотрели «Двухсотлетнего человека», историю о роботе, который смог полюбить, испытывать чувства и эмоции. А ведь и я был для неё своего рода Эндрю...

Я все же остался с ней, чтобы уйти с рассветом. Старался дать нам как можно больше времени. Я любовался, как она спит, как подрагивают её ресницы, как она улыбается, когда я провожу рукой по её лицу, и как сжимает плечи, когда ветер пролезает через приоткрытое окно.

Это было лучшее время за все мое существование. Было.

Я часто думал о том, что отчасти был виноват в случившемся. Ведь не появившись я в её жизни, она бы не оборвалась.

В тот день я задержался на задании. Так как я работал один, то попросту не мог оставить дела и попросить кого-то закончить за меня. Ощущение тревоги неожиданно появилось в груди, и этот жгучий ком рос с каждой минутой.

Я появился в человеческом мире позже на час. Телефон Лидии не отвечал, и я прибегнул к своим силам, раскинул сети и выдохнул, когда нашел её.

Я мчался со всех ног, будто следом за мной бежали адские твари, так спешил к ней, словно шестое чувство гнало меня по человеческой земле.

— Гален! — отшатнулась она, когда я вдруг возник перед ней.

— Прости, — сказал я и привлек к себе. — Задержался на работе.

— А я кошелек дома забыла, представляешь! — рассмеялась она. — Пришлось пешком идти.

Лидия взяла меня под руку, и мы пошли по улице, делясь впечатлениями о сегодняшнем дне.

— Глянь-ка! — зашипел голос. — Светленький гуляет.

— Человечинку любишь? — язвил в тон ему второй.

Лидия инстинктивно прижалась ко мне, будто чувствовала, что перед ней не просто людские отбросы. Это были бесы. Злые, неуправляемые. Мерзкие.

— Дай пройти, — резко сказал я, когда один из них загородил нам путь.

— А то что? — склонил он голову, а следом принялся рассматривать Лидию как кусок мяса. — Твоя игрушка? Поделишься?

— Гален, — прошептала она. — Мне страшно.

— Не бойся, крошка, — шипел второй, приближаясь к нам с другой стороны. — Мы просто поиграем.

Бес оттолкнул меня, я упал навзничь, и он тут же накинудся сверху, придавив меня к земле.

Я не успел ничего сделать для её защиты. Абсолютно ничего.

— Ходит тут, чистоплюй, гуляет за ручку с девкой. А твой повелитель знает, как низко ты опустился?

— Гален! — взмолилась Лидия, когда второй бес дёрнул её за руку и прижал к груди.

Его рука превратилась в когтистую лапу, вырывая из перепуганной девушки страшный крик.

Бесы разразились хохотом, человеческие лица пошли рябью, и их истинный облик начал проявляться местами, ещё больше ужасая нас обоих.

Длинные хвосты, шерсть, кусками покрывающая туловище, распухший нос и витиеватые рога на головах. А главное — острые когти, которые вонзились мне в грудь. От боли я не мог двигаться, не мог кричать и мыслить. Казалось, по венам пустили кислоту, выжигая меня изнутри. Я много раз читал о подобном, но не видел воочию. Сейчас же я это чувствовал. Запретный эликсир, словно в самом адском котле, позволял нижнему миру дотронуться до верхнего без последствий. Яд вливался в раны от когтей, делая меня безвольной куклой.

— Гляди-ка, — заржал бес, отрывая лапу от моей груди. — Работает! Этот уже воет от боли, а у меня ничего!

На лапе беса и правда не было ни ожога, ни царапин. Кожа не слезала, а сам он торжествующе лыбился уродливой пастью.

— Не дергайся, — шикнул на меня бес и толкнул лапой в лоб, оставляя очередной ожог от прикосновения. — Любуйся! Мы тебе покажем, как следует отдыхать с людишками!

Лидия кричала моё имя, молила о помощи, плакала и не сводила с меня голубых глаз. Я был в оцепенении, не мог двигаться, и только мои глаза неотрывно смотрели, как бесы убивали смысл моей жизни.

Она рухнула на снег, как безвольная кукла. Лишь улюлюканье бесов нарушало тишину. Я молчал, а внутри сотрясался от рыданий и крика. Звук оторвавшейся от её пальто пуговицы отдался в моем сердце гулом обвала.

Я прилагал все силы, чтобы двинуть хотя бы пальцем, хоть как-то! Взывал к силам верхнего мира, молил Ивиона услышать меня, я метался в своем сознании, силился вернуть себе собственное тело.

— А теперь ты, тварюга, — брызгая слюной, рывкнул бес, склонившись надо мной.

На лице тут же возникли новые ожоги, вызывая ещё больше боли, но это не заглушало того, что я уже испытывал.

— А нам сюда ходу не дают, — возмущался один из отморожков. — Все демонам да демонам!

— Представь, что они тут творят!

— Да они те еще чистюли, подстать этому хлюпику! — заржал бес и схватил меня за шею, поднимая с земли. — Мы тебе сейчас покажем, что значит развлекаться по нашему.

Он поставил меня на колени прямо перед бездыханным телом Лидии. Второй бес сел на корточки возле неё и, подсунув лапу, проткнул подбородок, поднимая голову вверх.

— Смотри, белоснежный уродец, что с ней сделал нижний мир!

Мои боль и гнев будто выжигали яд, попавший под кожу, я задержался в руках беса, добавляя себе ещё больше ожогов.

— Чего удумал, хлюпик! — засмеялся бес и позвал на помощь второго.

Коготь ещё больше порвал ледяную кожу и выскочил наружу.

— На память, красавчик, — прогоготал он и провел окровавленным когтем по моим губам.

Капли крови Лидии смешались с моей обожженной плотью.

— Дай его мне! — дёрнул меня на себя второй бес.

— Ты уже развлекся с девкой!

И тут они начали дергать меня, тянуть, как игрушку в разные стороны. Их забавляли и слёзы, текущие из глаз, и вид крови, и мои тихие крики. Они питались, наслаждались. Бесы ржали, матерились, кричали на всю улицу, убивая меня. И я молил, чтобы они поскорее закончили со своей работой...

Я не мог больше терпеть эту боль. Все тело жгло, кожа в тех местах, где они касались больше всего — растворилась, и следующие их хватания приходились на голое мясо, вызывая судорогу, как от удара током. Глаза не видели, уши не слышали. Я двигал губами, но ни одного звука, кроме шипения, из них не раздавалось.

— Довольно! — рявкнул мужской, до боли знакомый, голос.

Воздух содрогнулся, будто от грома. Бесы замерли на месте, и их хохот оборвался в одно мгновение. Они не отпустили моё истерзанное тело, так и держали меня за руки, сжигая заживо.

— Займись ими, — произнёс вновь тот голос.

Я смутно видел появившихся мужчин. Оба были высокие, темноволосые. В черных костюмах, пальто нараспашку. Говоривший не двигался, но от него исходила такая власть, что даже снег вокруг, казалось, переставал падать.

Второй, судя по запаху это был демон, шагнул вперёд, махнул рукой, и лапы бесов разжались, а я рухнул в снег.

Теперь кричали они. Стонали от боли, визжали как свиньи, пока не замолкли окончательно.

— Достаточно, Кайм.

— А с ним-то что делать? — спросил демон.

— Он не наша забота, — ответил он.

Кайм подошел ко мне и опустился на корточки, снег скрипел под его ботинками.

— Не повезло тебе, мужик.

— Верхний мир уведомлен, нам следует уйти, — послышался голос.

Я так и не разглядел их лиц. Особенно того, который держался вдалеке. Но я определенно слышал его раньше.

Они исчезли, а следом появились мои сородичи. Не обращая никакого внимания на истерзанную Лидию, они схватили меня под руки и вернули в верхний мир, где я провалялся в забытьи несколько месяцев, выкрикивая только одно имя. Ее имя.

Серафина

— Мне очень жаль, — я во все глаза смотрела за Галеном, лицо которого вмиг померкло. Он лишь кивнул, продолжая созерцать облака.

— И после произошла встреча Ивиона с хозяином нижнего мира? Запрет на коммуникации, всякие ухищрения?

— О том, что они встречались, ходили слухи, но разве кто-то видел это своими глазами? — ответил Гален. — А контрабанда, различные настои и мази — это добро было всегда. Тогда лишь напомнили об их незаконности. Мне кажется, тому запрету лет больше, чем нам с тобой вместе взятым.

Гален всматривался в зеленые шапки деревьев, но глаза его будто не замечали их красоты. Мысленно он все еще был в своих воспоминаниях.

— Тогда меня спас твой друг.

— Он мне не друг. Честно говоря, я совсем не понимаю, кто здесь друг, кто враг. Казалось бы, Ивион близкий мне... человек. Но сотворил со мной что-то такое, что не укладывается в голове. Люди зовут это абюзом.

Я хихикнула, пряча грустную улыбку за ладонями.

— Нет, нет, — поправил меня Гален. — Люди зовут это кошмаром.

— Я не знала, что Кайм был там. Это странно.

— Ты о том, что он мне помог, а не добил?

Серафина кивнула.

— Если задуматься, — прикусив щеку, начал я. — Он ведь никогда не атаковал первым. Каждый раз его провоцировали. Не берём в расчет прошлые столетия, я говорю о последних двух сотнях. Он убивал наших то тайно, но все знали, кто приложил к этому руку, а то и открыто, как в тот раз, когда его сослали в сборщики душ. Но чаще всего он просто защищался. Его доводили наши с тобой сородичи.

— Ты знал, — повернулась ко мне Серафина. — Что он помогал мне спасать людей? Детей.

Конечно, он знал. Я отчетливо прочитала это в его взгляде.

Гален кивнул, и я продолжила:

— Даже не хочу знать откуда! Нет, хочу, но спрошу позже! Так вот, выходит, что в нём всегда был свет, до...

Чужие шаги неожиданно послышались за нашими спинами. Мы вздрогнули, повернув головы, и увидели Ивиона. Его фигура мелькала за деревьями, и он приближался к нам с той самой улыбкой на лице — доброй и человечной.

— У вас, как я понимаю, нашлось время для любования природой.

Гален поднялся, сразу же завел руки за спину и учтиво склонил голову. Ивион отмахнулся от него.

— Не надо этого, здесь мы одни, — сказал он и осмотрел меня с ног до головы. — Ммм, ромашки. Как мило и совсем на тебя не похоже. Ты хотела поговорить?

— У меня есть вопросы, — сглотнула я. — И мне очень хочется получить на них ответы.

— Вопросы, вопросы, — рассмеялся он. — Всем всегда что-то да нужно!

Ивион подошел к краю обрыва, и носком туфель стал скидывать вниз мелкие камешки. Он держался свободно, раскованно. Его ничего не беспокоило. На нём не отпечатались никакие беды и страдания. Он не испытывал боли, привязанностей и потерь. Мраморное изваяние, без сердца и чувств.

— Гален, — повернулся он к нему. — Можешь идти.

— Да, повелитель, — вновь склонил тот голову, быстро сообразив, в каком именно образе обратился к нему Ивион.

— Я бы хотела, чтобы Гален остался.

— Для чего? — удивился Ивион, и его бровь поползла вверх. — Ты боишься?

— Н-нет.

— Ну вот и всё, — рассмеялся он, а его глаза при этом остались такими же холодными. — Тогда нечего и обсуждать. Гален уходит. Мы же прогуляемся.

Ивион протянул мне ладонь и улыбнулся самой обворожительной улыбкой, которая была в его арсенале. Все опасения тут же растворились, и я протянула руку к нему.

Гален долго смотрел вслед, пока мы уходили вниз по тропинке, держась за руки.

Казалось, само присутствие Ивиона очищало и охлаждало воздух. Я жадно вдыхала его аромат, стараясь различить среди свежести ноты, принадлежавшие только ему. Не отрываясь, любовалась его лицом в лучах заката, млела от теплого прикосновения и легкого поглаживания моего запястья.

Стоило ему только появиться рядом, как я уже отмела тяжелые мысли, которые съедали меня целый день. Прошел шок от истории, рассказанной Галеном. Будто все отошло на второй план. Ивион загородил собой мои беды и страхи. Был только он. И я улыбалась, радуясь этому.

— Прости, что не смог быть рядом, когда ты в этом нуждалась, — сказал он и слегка поджал губы, будто в нем боролись вина и досада. — У меня была встреча, и я не смог принять тебя.

— Хорошо, — как заколдованная отвечала я.

— Но вот, я здесь. Что ты хотела спросить? Я чувствую, что тебя что-то тревожит, моя Серафина?

Я так и шла в ногу с ним с распахнутым ртом. Моя. Ивион произнёс это так, что я попросту потерялась в пространстве. Нет, нельзя уходить от этого разговора. Он должен наконец состояться!

— Ивион, — сглотнула я. — Я хочу знать правду.

Он остановился и привлек меня к себе, обнимая за талию.

— Задай вопрос, получишь ответ.

— И он будет честным?

— Все зависит от тебя, — улыбался он, но глаза его оставались предельно серьезны. — И от того, что ты готова услышать.

— Нет, — покачала я головой. — Я могу быть не готова к правде, но она мне нужна! Ивион, сегодня случилось то, что я не могу себе объяснить.

— Гален рассказал тебе про Лидию?

— Ты меняешь тему.

— Возможно, тебе лишь так кажется, — подмигнул он. — Что думаешь по поводу того случая?

— Случая? — оторопела я от его простоты. — Его сломала трагедия.

— Он не смог пережить потерю близкого. Не справился с эмоциями. Как ты думаешь, что именно привело к этим событиям?

— Нижний мир, Ивион! Что же ещё! — вспыхнула я.

— Да, нижний мир.

В его голосе звучала грусть, которую он тут же накрыл сверху улыбкой.

— Я соскучился.

— Не делай так, — уперлась я руками в его грудь. — Ответь на мои вопросы, пожалуйста.

Ивион протяжно вздохнул, поправил прядь волос, упавшую на лоб, и склонился надо мной, нежно целуя в губы.

— Я очень хочу дать все ответы. Но безумно боюсь тебя потерять, Серафина. Порой ты видишь во мне врага, и я опасаюсь, что ты сделаешь неверные выводы и укрепишься в этом знании. Без тебя я не смогу быть тем, кто я есть. Ты вытягиваешь меня на свет, а без тебя наступит мрак.

Я не знала, что ответить. Слова застряли где-то в горле. Но я чувствовала, это не попытка снова манипулировать мною, это один из немногих раз, когда он говорил истинную правду, которой страшился сильнее всего.

— Давай проведем этот вечер вместе, — предложил он.

Маска задумчивости вновь вернулась на красивое лицо. Он смотрел в сторону, но его рука все также по-хозяйски лежала у меня на талии.

— Куда отправимся? — приняла я правила игры.

— Домой? — вскинул он бровь. — Или останемся здесь, в этом мире. О, может познакомишь меня с твоей подопечной?

— С Виолой? — удивилась я. — Сейчас не самый лучший момент для этого. Да и вообще, зачем тебе это?

— Так я пойму тебя. Мне хочется знать обо всем, что делает тебя счастливой.

— А о том, что делает меня несчастной, ты знать не хочешь? Ивион, ты был мне нужен не для совместного похода в гости к человеку. Со мной случилось то, что просто невозможно. А ты даже не пытаешься мне помочь!

— Почему ты решила, что я не помогаю? — вдруг вскипел он. — Думаешь, я не знаю, что для тебя лучше?

— Бред какой-то!

— Ты готова узнать? Получить ответ на свой вопрос? Ты сможешь с этим жить? — его пальцы впились в плечи. Я стиснула зубы, скрывая боль, которую вновь приносили любимые руки. — Я не хочу потерять тебя и разбить хрупкий мир!

— Я коснулась демона! — завопил мой рот против воли.

Я сжалась, приготовившись к буре эмоций, шоку. Но Ивион был предельно спокоен, его руки соскользнули с моих плеч, дошли до ладоней, которые он нежно взял в свои и принялся поглаживать большими пальцами.

— Я знаю.

Глава 3

В нашем мире, как и в человеческом, статус решал многое. Даже в моем случае. Да, практически все знали, кто я и кем был, но даже мне требовалось пригласительное для посещения клуба. И получить его можно только у одного суккуба.

Вайса была одной единственной работницей Багрового трона, которая существовала в реальности. Она управляла внешней политикой клуба, составляла списки гостей, выдавая пригласительные тем, кого Багровый трон возжелал увидеть в своих стенах. Остальные работники были не больше, чем иллюзия, созданная самим заведением. Живым организмом, смыслом жизни которого был секс. Он существовал за счет энергии, которую дарили ему клиенты. Биг босс среди суккубов и инкубов.

Багровый трон скрывал и свой внешний вид, и месторасположение, пока у тебя нет на руках пригласительного. Конечно, было одно единственное исключение — Лориэн. Он всегда знал больше других, но он был хозяином этого мира и Багрового трона в том числе.

Когда-то давно мы посещали клуб втроем: я, Велиар и Лориэн. Тогда, когда я был советником, настоящим демоном и другом им двоим.

А после того, как я ушел в закат, Вайса обиделась и аннулировала приглашение, лишив меня изысканных удовольствий.

Найти её было не сложно — или ресторан, в котором мы бывали с Велиаром, где она, прислушиваясь к голосу в своем разуме, отбирала клиентов, или спальня Велиара. И на этот раз я встретился с ней в доме бывшего друга.

Фантазия Велиара воплотилась в жизни — он всегда хотел только Вайсу, и даже будучи в человеческом мире выбирал женщин, хоть как-то, но похожих на неё. Он тщательно старался скрыть то, что ревнует ее к каждому клиенту, но тормозил себя тем, что это и есть ее жизнь. Только так она может существовать в этом мире.

Суккубы чаще сохраняли облик человеческих женщин, используя все самые выдающиеся части тела: соблазнительная грудь, округлые бедра, тонкая талия. Гладкая, слегка блестящая кожа, отдающая в синеву, чёрные волосы, зафиксированные чем-то так крепко, что практически не двигались, пронзительные глаза, которые угадывают любое твоё желание, пролезают внутрь, подцепляя острым ногтем потаенные мыслишки.

— Кайм? — удивился Велиар, когда я, проигнорировав слуг, прошел в гостиную. — Не знал, что ты заглянешь!

Он улыбался, но за фальшивой улыбкой я видел возмущение. Велиар не любил делиться удовольствиями.

— Так я не к тебе, — хмыкнул я, разглядывая Вайсу.

Она лежала на кушетке, поджав под живот бархатную подушечку, и светила голой задницей, покрасневшей от прикосновений Вела.

— Мой дорогой, — моментально поднялась она и, покачивая бедрами, подошла вплотную. — Присоединяйся! — Ее голова склонилась вбок, и сквозь пряди волос, зачесанных высоко наверх, проглядывали витиеватые чёрные рога. — Ты хочешь меня или я должна принять чей-то облик?

Велиар наполнил бокал вина и сел туда, где только что ждала его Вайса.

— Не ожидал тебя увидеть, — пробурчал он, недовольный тем, что я нарушил их идиллию.

— Кайм, детка, куда же ты запропастился? Давно ничего о тебе не слышала.

— Его так и манит человеческий мир, — съязвил Вел. — И смертные женщины!

— Ваши разборки совершенно неуместны в моем присутствии, — остановила она его, метнув грозный взгляд, а следом повернулась ко мне и провела рукой по щеке, спускаясь к шее. — Ты пришел за мной?

— За пригласительным в «Багровый трон», которым ты постоянно размахивала передо мной.

— Это потрясающая новость! Ты хочешь, чтобы я помогла тебе там?

— Не в этот раз, — уклонился я. — Пожалуй, справлюсь сам.

— Как знаешь, — пожала она тонкими плечиками, и её кожа замерцала от короткого движения. — Я довольно искусна в этих делах. И уверена, что смогу тебя удивить.

— Кайму по душе...

— Пасть закрой, — оборвал я его.

Татуировка Велиара загорелась, золотые линии бежали по шее, обвивали её и вспыхивали, будто обжигая кожу.

— Не тем вы занимаетесь, мальчики, — томно протянула Вайса и перенеслась к кушетке, усаживаясь на Велиара верхом. — Кайм, может, останешься?

Она оглянулась и, не сводя с меня глаз, схватила за член Вела, помогая ему войти в неё.

Ее тяга к высшим демонам вполне объяснима. Это не любовь, а охота, где она получает мощную энергию. Влюблённость Вела была только на руку — он отдает всего себя, восполняя ее жизненные силы.

— Оставайся с нами, — звала меня Вайса, двигаясь на Велиаре. — Я докажу, что лучше меня никого не существует, Кайм!

Моё имя она прокричала, когда Вёл с силой сжал ее ягодицы. Голос ее стал хриплым, но в глазах, прикованных ко мне, не читалось ни боли, ни удивления — лишь холодный азарт. Ей безумно хотелось, чтобы я был свидетелем.

Велиар быстро позабыл про свое недовольство. Татуировка пылала ровным, яростным светом, освещая его кожу. Он глухо простонал, впиваясь в её плоть, и движения стали резче, требовательнее. Он не любил делиться, но сейчас его ревность превратилась в животное желание доказать мне, зрителю, право на Вайсу. Или самому себе.

Я лениво опустил в кресло напротив. Моей целью было пригласительное, а не шоу, что она для меня пыталась устроить.

Вайса откинула голову назад и поймала его ритм. И тут Вел опрокинул ее на кушетку, вгоняя член до упора, от чего она вскрикнула уже по-настоящему. Она метнула на меня взгляд, и её губы растянулись в ухмылке, лишенной всякой нежности. На этой охоте она поймала свою дичь.

Велиар заметил взгляд в мою сторону, и в воздухе тут же запахло его раздражением.

Вайса прогнулась в спине, когти впились в бархат кушетки. Глаза закатились, и я увидел их настоящими — бездонными, пустыми. Они будто поглощали весь свет и вбирали энергию, что струилась вокруг.

Велиар издал короткий рык, татуировка ослепительно вспыхнула и тут же погасла, оставив тусклый свет на шее.

Наступила тишина, нарушаемая лишь их прерывистым дыханием. Воздух гудел от высвободившейся силы.

Взгляд Вайсы, сытый и отстраненный, застыл. Синеватая кожа с капельками пота на ней будто была покрыта инеем, а щеки горели багровым цветом.

— Ну что, Кайм, ты не передумал? — сладко щебетала она.

— Не убедила, — улыбнулся я.

Вайса в ответ состроила расстроенное личико и грациозно поднялась с кушетки, взяла с пола брошенное в порыве страсти платье и потянулась, демонстрируя свое тело.

— Скажи, — начала она вновь свою игру. — Как мне заставить тебя передумать?

Велиар с мрачным видом следил за ней и параллельно сжигал меня взглядом.

— Пригласительное, — напомнил я, возвращая ее к сути.

Вайса достала из складок ткани черный матовый конверт.

— Держи, — она протянула его мне. Её пальцы слегка коснулись ладони, и на миг мне показалось, что я чувствую ледяной голод, бурлящий под её кожей. — Без меня тебе там будет грустно.

— Переживу, — бросил я, повернувшись к выходу.

— Кайм! — окликнул меня Вел. Его глаза насмешливо смотрели на меня, пока он запахивал халат. — Я же гостеприимный хозяин. Заходи как-нибудь на чай.

Я лишь усмехнулся в ответ и вышел, оставив его один на один с несбывшимися надеждами.

Хотя, себя же я к ним сейчас слегка приблизил.

Величественное здание открылось мне посреди городской площади. Для всех я зашел внутрь неприметного магазина, но на деле вошел в царство наслаждений.

Я ощущал прикосновение на коже. Блуждающие руки трогали меня по лицу, хватались за волосы, пролезали под рубашку, цеплялись за ремень брюк. Багровый трон был рад моему приходу, и обещал исполнение любых желаний. Что-то влажное и теплое, словно чей-то шершавый язык, провело по шее, вызывая мурашки, бегущие по спине. Другое прикосновение, более настойчивое, впилося в волосы, заставляя откинуть назад голову и оголить горло. Пол под ногами стал мягким, словно пушистый ковер. Багровый трон встречал меня, как самого долгожданного гостя.

Он сам вёл меня в нужное помещение: небольшой зал с приглушенным светом, пахнущим дорогими духами, вином и чем-то греховным, где большую часть занимала огромная кровать с высоким мягким изголовьем, множеством подушек и постельным бельем цвета индиго. Мягкий ковер поглощал шаги, а стены, будто живые, слегка пульсировали в такт им. Все здесь было сделано для того, чтобы забыться.

Мне не нужно было делать заказ, описывая то, что я хотел бы получить. Клуб знал это с того самого момента, как я переступил его порог.

Я не мог перейти черту там, в реальности. Боялся причинить ей вред, ведь я знал, что из этого ничего не выйдет. А привязывать к себе Виолу, понимая, что придётся её покинуть, не мог. Неожиданно я подумал, что, наверное, это и есть любовь. Близость со мной не принесет ей ничего. Лишь мимолетное наслаждение. Я не тот, кто сделает ее счастливой. Рядом со мной лишь сплошная боль.

Нам обоим лучше, если я постараюсь её забыть. Попытаюсь.

Главное — верить. И я повторял это как мантру, любясь, как иллюзия Виолы, состоящая из плоти и крови, медленно подходит ко мне. Носа коснулся аромат пшеницы, лета и соленого моря, тот самый, что я ловил на ней в нашей поездке. Лицо, усыпанное веснушками, будто проступало из дымки, приближаясь ко мне. Пол слегка сверкал там, где она наступала, каждый шаг оставлял едва заметные следы. На ней были лишь тот самый зеленый купальник и тонкое летнее платье поверх него. Без стеснения я рассматривал её: тонкую длинную шею, острые плечи, покрытые веснушками, небольшую округлую грудь с торчащими сосками, талию, за которую так и хочется схватиться, просто фантастическую задницу и длинные стройные ноги.

— Наконец-то! — проговорила она и подошла ближе.

Руки иллюзии коснулись груди, а затем принялись медленно расстегивать пуговицы рубашки.

Ее глаза застыли на моих губах, и я схватил её за затылок, запустив руку в копну золотистых волос, прижал к себе и впился в её рот.

Виола простонала, расстегнув все пуговицы и блуждая руками по моему телу.

— Как же долго я этого ждала, Кайм! — улыбалась она, когда я оторвался от неё. Я подхватил её и опустил на кровать.

Виола сладко улыбнулась и схватилась за подол платья. Она медленно потянула ткань вверх, словно наслаждаясь моментом. Обнажила сначала живот, линию ребер, и, наконец, идеальную грудь. Я застыл, сглотнув ком в горле.

Она провела одной рукой по груди, слегка сжав, и, вздохнув, посмотрела на меня.

— Мне так хотелось, чтобы ты прикоснулся ко мне, — говорила она, проводя пальцами по шее вниз. — Ночами я представляла, как ты трогаешь меня, как внизу все становится влажным. Ты думал обо мне, Кайм?

— Каждый день, — глухо простонал я, нависая над ней.

Ее грудь идеально помещалась в моей ладони. Я слегка сжал её, а затем коснулся языком соска. Тело дрожало, кровь стучала в висках. Я будто получил самый желанный приз, и он пах летом.

— Ещё, — тихо шептала Виола. — Сожми зубами.

Она выгибалась подо мной, стонала, просила, требовала...

Её руки прошлись по моей груди, коснулись живота, а затем ловко расстегнули ремень. Теплая рука проскользнула под резинку боксеров и схватилась за твердый член. Я был готов, как подросток, кончить от одного прикосновения её длинных пальцев.

— Идеально, — прошептала она, проводя рукой по всей длине. — Я хотела бы, чтобы он оказался у меня во рту.

— Твою мать, — прорычал я. — Да!

Я откинулся на спину, позволяя Виоле стянуть с меня одежду. Она устроилась между моих ног, так что я видел, с каким наслаждением она смотрит на меня, проводит рукой по члену, облизывает губы и прикасается ими к головке.

Рыжие волосы спадали вниз, Виола откинула рукой прядь и подмигнула.

Этот взгляд отрезвил, напомнил, что настоящая Виола неспособна смотреть так! Не может она так смело вести себя в постели с мужчиной. Иллюзия ухмыльнулась, и влажные губы сомкнулись вокруг меня, вызывая судорогу. Слишком умело, напористо. Взгляд её робких и одновременно развратных глаз меня отрезвил. Не она. Грубая насмешка.

— Зато ты можешь не сдерживать себя, Кайм. Сделать все, что ты хочешь, — мурлыкала она, сжимая член рукой. — Я — не она.

— Ты не она, да, — сказал я и поднялся с кровати.

Виола стояла передо мной на коленях, напуганная и покорная, готовая ко всему. Я схватил её за волосы, собирая их в кулак, и поднес к ее распухшим губам член, вгоняя её в глотку.

— Ты не она, — простонал я, грубо входя в снова готовый принять меня рот. — С ней я был бы нежен, а тебя я буду трахать как хочу.

Я качнул бедрами, глубже загоняя член, из ее глаз выступили слёзы, но она, с довольной улыбкой, продолжала принимать меня.

Я напрягся, увидев полный наслаждения и покорности взгляд. Она никогда не посмотрела бы на меня так, я не позволил бы.

— Да, вот так, — мой голос звучал хрипло, почти по-звериному, когда я снова вошел в ее податливый рот.

Я двигал бедрами, вгоняя себя ещё глубже, резче, чем позволил бы себе с настоящей Виолой.

Ее руки беспомощно лежали на моих бедрах, пальцы слегка подрагивали. Иллюзия была прекрасна, почти идеальна. Каждый взмах ресниц, слезинка, катящаяся по щеке, все как у настоящей Виолы.

Я оттянул её от себя за волосы, и она глубоко вдохнула. Грудь вздымалась, пока тонкая ниточка слюны тянулась от её рта к моему члену и оборвалась, упав на пол.

— Встань и повернись, — указал я на кровать.

Она послушно, с притворной грацией, встала на колени на краю кровати, выгнулась в спине и оглянулась, довольно улыбаясь. Я провел ладонью по её коже, и Виола вздрогнула, точно так же, как вздрогнула бы и настоящая, от неожиданности и стеснения, но все же виднелась наигранность в движениях иллюзорной девушки. Я провел ладонью по упругой заднице и пальцами сдвинул в сторону тонкую полоску купальника.

Я вошел в нее с одного резкого толчка, без ласк и подготовки. Ее тело приняло меня с влажной теснотой, с вздохом, от которого у меня внизу все сжалось.

Я видел, как розовеет ее кожа, как напрягаются мышцы спины. Её прерывистое дыхание останавливалось лишь когда она стонала моё имя. Она была идеальным воплощением моей фантазии, и от этого было чертовски больно.

Что-то внутри меня рвалось наружу. Клыки упирались в нижнюю губу, а ногти впивались в ее нежную кожу. Я ненавидел эту иллюзию за совершенство, за то, с какой дикостью мое тело отзывалось на неё. Разум кричал о фальши, а по телу разливалось нарастающее желание. И это идеальное тело отвечало на каждое движение судорогами наслаждения.

— Скажи, что ты не она, — требовал я, продолжая двигаться внутри неё, чувствуя, как нарастает волна. — Скажи!

— Я не она, Кайм, — послушно произнесла она.

И тут же окончательно шелкнул выключатель, убирая последние сомнения. Я замолк и просто повиновался инстинкту, брал то, чего хотел. То, что мне предоставил Багровый трон. Движения стали резче, грубее. Я с силой насаживал её на свой член, и комната наполнилась нашим тяжелым дыханием и глухими стонами.

Все напряжение, тоска и страх, — все высвободилось в последнем толчке. Я вогнал себя до предела, и мир перед глазами померк.

В воздухе пахло парфюмом, сексом и горькой правдой. Как только я медленно вышел из неё, иллюзия Виолы рухнула на кровать и перекатилась на спину, её довольное и покрасневшее лицо смотрело прямо на меня. И сейчас этот взгляд лишь раздражал.

— Это было прекрасно, — протянула она. — Прямо как я и думала.

Я не получил желаемого. Тело было тяжелым и пустым одновременно. И удовольствие отдавалось острым, ядовитым, шипом где-то ниже живота.

Багровый трон получил свою плату, я же лишь разочарование.

— Ты вернешься ко мне? — продолжала иллюзия, поглаживая себя по груди, животу, между ног.

— Ты не она, — ответил я, надевая брюки. — И воссоздать её у тебя не получилось.

— Тебе понравилось, Кайм. И я это знаю!

Двери Багрового трона будто выплюнули меня наружу. И холодный ветер отрезвлял своими ударами в лицо: никакая иллюзия не способна подарить мне то, что я мог бы испытать с ней. Можно подделать внешность, но не чувства.

Ноги сами вели меня вперед. Мир, который когда-то я ненавидел, а затем вдруг осмелился полюбить, снова вызывал во мне тошнотворное отвращение, приправленное тоской. Я ясно осознавал, что для меня нет в нём места, но здесь была та, кого я любил. Желание увидеть Виолу яростно билось внутри. Сводило пальцы, отчего я постоянно их разминал. Ладони горели, стоило только вспомнить гладкость и нежность её кожи. Пару раз я ошарашенно оглядывался, расслышав легкий смех, но там была не она. Это все отголоски воспоминаний, терзавшие мой разум.

Несколько недель я заливался алкоголем, стараясь забыться. Но образ рыжеволосых кудрей всегда был перед глазами. Мне не с кем было поговорить, негде спрятаться. И мысли о ней и о том, что я наговорил, навязчиво сводили меня с ума.

Если раньше все свои проблемы я решал с помощью выпивки, секса и убийств, то сейчас смотреть мог лишь на первое, да и то к горлу уже подкатывала тошнота.

Выйдя из-за угла, я остановился как вкопанный. Сам того не понимая, я дошел до района, где жила Виола. Два поворота направо, небольшой сквер — и за ним уже тот самый дом.

Что она делает? Чем занимается? Позволит ли она подойти к ней?

Я безумно сожалел о том, что сказал. Яд, вырвавшийся из моего рта, отравил не только её, но и меня. И до сих пор я не определился, правильно ли поступил.

Единственный, чьи шаги я не мог предугадать, это Лориэн. Но я знал одно: он безумно упрямый. И доводит до конца каждое свое дело. Я надеялся, что он поверит в то, что Виола не представляет для меня никакой ценности, но мне кажется, даже тут я проиграл.

Я повернул налево, стараясь не смотреть по сторонам. Боялся увидеть знакомое лицо, поймать её запах, но вслушивался в гомон улицы, тайно мечтал услышать залиvistый смех и нежный голос. Идиот.

Передо мной была площадка, где на асфальте нанесена разметка, стояли конусы и по ней каталась машина, запинаясь каждые сто метров. Воздух вышибло из легких, когда я разглядел за рулем золотоволосую нимфу.

— Твою мать, — выдавил из себя я, проведя ладонью по лицу.

Я не мог уйти, не мог отвести взгляд. Смотрел только на неё, слышал, как быстро стучит её сердце, ощущал, как напрягаются мышцы, как разочарование окутывает разум.

Рядом с ней на пассажирском сиденье развалился мужчина. Он давал советы, успокаивал и каждый раз выпрямлялся в спине и чертыхался про себя, когда ученица допускала ошибку.

Машина развернулась, Виола выкручивала руль, отрабатывая параллельную парковку, а затем ликовала, когда у неё получилось втиснуться между конусами. Щеки порозовели, глаза блестели, когда она осматривалась по сторонам через боковые зеркала, а затем она посмотрела в зеркало заднего вида, и увидела меня.

Взгляд карих глаз затуманился, а грудную клетку пронзила боль. Я буквально кожей чувствовал, как по её спине побежали мурашки, когда она посмотрела на меня. Я должен был уйти. После того, что я наговорил, я не имел права даже смотреть на неё, но не мог совладать с собой. Тот миг на стадионе, где вдруг во мне родился тот план, казался несусветной глупостью, ошибкой. И желание все исправить, прижать ее хрупкое тело к себе, вымолить прощение, рвало меня изнутри.

Я сделал шаг вперёд, лишившись разума, и до меня донесся испуг. Не радость от моего появления, не трепет влюблённого сердца, а пронизывающий страх. И я остановился.

— Мы закончили? — спрашивал её инструктор. — Или все же поедem в город?

Виола молчала, не отрывала от меня взгляд, и я ощущал, как пальцы ее впиваются в руль.

— В город, — наконец, выдавила она, а затем принялась выжимать педали.

Машина унеслась вперед под одобрителные комментарии мужчины. Виола ни разу не ошиблась в своих движениях, вела автомобиль как умелый водитель, стараясь скорее скрыться от моего взгляда.

Она как наваждение, сумасшествие, лишившее меня воли. Я прекрасно осознавал, какую беду веду за собой, но продолжал изводить и её, и себя. Демон не имеет права на человека. Я могу лишь уничтожать и убивать. В этом я преуспел за множество веков. И продолжаю это делать с ней, правда иными методами...

Выполняя очередное поручение Лориэна, я вновь шагал по человеческому миру. Между нами была иллюзия мира и взаимопонимания. Он много говорил, я делал вид, что слушаю, а сам старался найти на его лице ответы: воспользуется ли он Виолой ради давления на меня? Есть ли у него план?

Я задумался, и даже не сразу понял, что промок под дождём. Скрывать свое присутствие здесь было ни к чему. Тот, от кого я прятался ранее, сам направил меня сюда. Я поднял глаза к небу, и капли прекратили свое падение, тучи разошлись в сторону, и солнце засветило вновь. Смахивая капли с одежды, я не заметил, как возле меня очутилась тень.

— Здравствуйте.

Я нос к носу столкнулся с матерью Виолы. Прямо посреди набитого людьми города! Какой был шанс? Один к тринадцати миллионам? А я помечен удачей, правда, чуть иначе...

— Вот так встреча, — скрестил я руки на груди.

— Действительно, — пробубнила женщина, сильнее сжимая ручки сумки. — Я смела надеяться, что никогда вас не увижу, после того, как...

— Мне меченая морали читать вздумала? — процедил с усмешкой я, не позволяя договорить, и шагнул к ней.

Катерина сжалась, смотря на меня снизу вверх, но взгляд не отвела.

— Я не знаю кто вы, — задрал подбородок, сказала она. — Но каждый день благодарю Господа, что избавил мою дочь от вас.

Я громко рассмеялся, и она сделала шаг назад.

— Кого ты благодаришь, безумная? Где он был, когда на тебя повесили метку? И где он был, когда ты уничтожала свою дочь?

Я дернулся и схватил её за горло, отрывая тощие ноги от земли.

— Еще раз заговоришь со мной, вырву тебе язык. Ты же помнишь, как я уже сделал подобное однажды?

Блеск понимания разгорелся в ее глазах, ужас той ночи отпечатался на лице, исказив его в гримасе страха. Испуг сочился из тщедушного тела, заполнял слабый разум, и лишил ее связной речи.

— И с ней ты не станешь говорить обо мне. Ни слова не скажешь. Иначе я приду к тебе. Ночью, когда Виола будет спать. И тогда, я, наконец, убью тебя. И никакой Господь не спасет твою душу. Я заберу ее с собой.

Я разжал руку, и Катерина едва удержалась на ногах, вцепившись в кирпичную стену здания. Она прижалась к ней и накрыла трясущейся ладонью шею, будто пытаясь своим прикосновением стереть моё.

— Если она тебе дорога, — прошептала она. — Оставь её в покое.

— Не указывай мне. И тогда поживешь ещё немного.

Я подмигнул ей почерневшим взглядом, поднял яблоко, выпавшее из её сумки, и с хрустом откусил, уходя прочь, спиной чувствуя ее загнанный взгляд.

Свернув за угол, я швырнул фрукт об стену, чудом не попав в окно. И снова имя Виолы стучало в висках, а ладони горели, стоило ожить воспоминаниям о прикосновении к ней. Это сумасшествие, одержимость. Я существую на автоматизме, подгоняемый лишь мыслями о ней и о том, что сотворил.

Встреча с её матерью стала казаться знаком судьбы, напоминанием о рыжеволосой мечте, и я послушно шагал к ее дому, не представляя, что буду делать дальше.

На подходе к пятиэтажке я сбавил шаг, а когда увидел её, встал как вкопанный. Виола улыбалась, раскованно смеялась, выглядела румяной и счастливой. Она сидела на лавке возле своего подъезда и весело болтала с подругой. На ее прекрасном лице не было отчаяния и грусти, наоборот, она светилась.

Я так и стоял, скрываясь за раскидистым стволом каштана, не отрывал от неё взгляд, наслаждался прекрасной улыбкой на ее губах, чувствовал усталость, которая тянулась по ее ногам, и гадал, как же она провела этот день...

— А вот и щенок, — выплюнул я, заметив Валеру.

Парень бежал к ним с другой стороны улицы и держал в руках сумку, с которой Виола обычно ходила на танцы.

— Ты оставила! — услышал я. — Я нашел возле своего сиденья.

— О, спасибо! — улыбалась Виола. — Так устала, что совсем про нее забыла!

Она была с ним. И сейчас явно делилась новостями с подругой.

Виола поднялась и взяла сумку, а Валера тут же принялся что-то эмоционально рассказывать Марго, активно жестикулируя руками.

— А затем в центр вышла Виола, — говорил он с восторгом. — И зрители замерли! Этот танец поразил всех!

Марго не дышала, пока вещал парень, слушала его, раскрыв рот, а Виола заливалась краской и быстро шлепнула его по плечу, останавливая возбужденную речь.

— Да хватит тебе! Не так все было! — смеялась она.

— Со стороны виднее, — улыбнулся щенок и приобнял её за плечи, привлекая к себе.

Что-то щелкнуло внутри, с тихим и окончательным звуком ломающейся кости. И пока его рука лежала на ее талии, я чувствовал это прикосновение на своей коже, как ожог.

— Вот ублюдок, — прорычал я.

Она позволила ему. Допустила близость.

Я снова вспомнил слова Вела, что как сталкер слежу за девчонкой. Которой до меня, похоже, нет никакого дела.

Улица сменялась за улицей, руки Валеры на её талии все еще мерещились перед глазами, а звонкий смех Виолы вызывал стук в ушах. Она была счастлива, улыбалась, веселилась с друзьями. И позволяла щенку прикасаться к себе. Я был удивлён, ведь вбил себе в голову то, что Виола страдает из-за моего поступка, её уничтожили гнусные слова и лживое безразличие. Но все оказалось совсем не так.

Что ж, увиденное меня и обрадовало, и расстроило. То, что она не страдает по мне, конечно, укололо. Видимо, корону лучшего мужчины в её жизни мне следует снять. Но я радовался, видя улыбку на её прекрасном лице. Виола должна жить! Без меня. С человеком, как и она сама. В этой истории я был лишним, и сейчас в очередной раз в этом убедился.

Я сам не заметил, как оказался в том самом клубе, где мы с Велом коротали наши ночи после сборки душ. Бармен, на удивление, сразу узнал меня, и без слов поставил на стойку бокал с виски. Я кивнул ему, одним движением опрокинул его, а следом попросил налить снова, стрельнув в него глазами.

Огонь алкоголя не принес облегчения, лишь разжег тупую ярость, пульсирующую в висках.

— Привет, красавчик, — послышался знакомый голос.

Та самая блондинка, которая была спасена мною от Хиска, вела пальцами по спине, поднимаясь все выше, и запустила ладонь в волосы, привлекая мое лицо к себе. — Давно тебя не видела!

— Соскучилась? — выдохнул я ей в губы, не двигаясь с места, позволяя чувствовать мнимую власть надо мной.

Её глаза тут же заволокло туманом, а рот приоткрылся. Глупая овца.

— Ещё как! Я вспоминала тебя и того парня, что был вместе с тобой. Во мне.

— Сегодня я здесь один. Но поверь, тебе с лихвой хватит и меня.

Я выложил на стойку несколько купюр и, подхватив два бокала и бутылку, позволил девице прильнуть ко мне и увести подальше от толпы.

Комната была точно такая же, как и та, в которой мы провели здесь ночь в последний раз. Я налил полный бокал, а следом влил его в себя. Девушка не сводила с меня глаз, молча ожидая приказа.

Я через голову стянул с себя толстовку и сел на край кровати.

— Раздевайся, — озвучил я.

Она бросила на меня взгляд, полный подчинения, и принялась расстегивать полупрозрачный топ, который и так мало что скрывал. Ее тело было привлекательным, но пустым. Без той внутренней силы, огня, что обжигал меня при одном воспоминании о Виоле.

— Подойди ближе, — скомандовал я, когда она была полностью обнажена.

Девушка приблизилась, встав между моих расставленных ног. Я провел костяшками пальцев по её бедру, чувствуя, как она вздрагивает. Ее кожа была светлой, с едва заметной сеточкой сосудов и выпуклыми венами. Однотонная, без россыпи золота на ней. Не такая гладкая и бархатистая, не такая упругая. Я не мог заставить себя поднять голову и взглянуть в ее лицо. Ведь знал, что увижу пустой взгляд, пропитанный желанием, но без воли в нем.

Это все ненастоящее. Она сама — ложь. Обманка, которая в очередной раз не сработала.

В этот раз я не видел ничего возбуждающего в теле этой девки. Она вызывала лишь желание ломать её, владеть и подчинять.

Я вспомнил щенка Меняйлова, и усмехнулся. Сейчас я готов развлекаться именно в его стиле.

— Я тебе нравлюсь? — процедил я, сжав её скулы.

— Да, — блеяла она с рабской покорностью.

— Врешь, — тихо прошептал я.

И прежде чем в ее глазах успел отразиться ужас, мои руки сомкнулись на девичьей шее. Один резкий, точный поворот — и хруст костей отозвался в тишине комнаты.

Никакой ценности. Просто вещь. Она должна была на мгновение заглушить шум в голове. Да только я снова ошибся. Он стал лишь громче.

Стоило только выйти в зал, как бармен испуганно покосился в мою сторону. Взгляд пылающих черных глаз выдавал меня с потрохами. Я приблизился и медленно положил на стойку несколько крупных купюр, придерживая их ладонью.

— Как и всегда, все на высшем уровне, — усмехнулся я. — Мое почтение твоему хозяину.

Парень ловким движением выудил деньги и спрятал в своей ладони.

Я собирался уйти, хлопнув рукой по стойке, но скользящий навстречу стакан остановил меня. Он громыхал льдом, а янтарная жидкость в нём подрагивала.

— Напоследок, — вдруг улыбнулся бармен.

Я усмехнулся, а в отражении зеркала за его спиной на меня смотрела моя грустная копия — с опущенным вниз уголком губ.

— Почему бы и нет, — поймал я стакан.

— В ногах правды нет, — сказал бармен, орудуя тряпкой и указывая на стул. — Присаживайся.

Я уселся и сделал небольшой глоток.

— Вам не стало легче, — заявил он, не поднимая лица.

— Неужели правду говорят, — тихо произнес я. — Что бармен лучше психолога?

Мужчина громко рассмеялся, поставил второй бокал и плеснул напитка и себе.

— Всего-то нужно подобрать момент. Главное, слышать человека, открыться. Вот вы, например, вошли сюда в дурном расположении духа. Что-то вас беспокоило. И мне тяжело видеть, что уходите вы, не найдя облегчения.

— Я вздумал искать его не в том месте.

— Это так, — кивнул он, рассматривая в руке пустой бокал. — Иногда требуется поделиться наболевшим, и ответ на терзающий вопрос находится сам собой. В чем ваша проблема?

— В том, что я не усваиваю уроки судьбы.

Бармен посмотрел на меня исподлобья, но ничего не ответил.

— Вас направляют, это верно. Но дорог-то много. Какую выбрать — вот в чём вопрос. Может, поэтому и кружите на одном месте. Возвращаетесь на исходную позицию.

Я опрокинул в себя напиток. Он стекал по горлу, обжигая, но не даря никакого расслабления. Мужчина взял в руку бутылку, но я накрыл стакан ладонью.

— Ты думал, — поднялся я. — Я тебя не узнаю?

— Что выдало? — улыбнулся Лориэн.

— Тебя — тьма в глазах и длинная болтовня. Ну и изначально шлюха, которая работала здесь восемнадцать лет назад. Смотрю, ты слегка омолодил барышню.

— А я-то подумал, что ты купился, — улыбался Лориэн, упираясь кулаками в стойку. — Поговорим?

— Пожалуй, откажусь. Бармен не вызывает доверия!

Демон в образе юного и смазливового парня настойчиво стучал в дверь моего дома, а затем и в окно, вынуждая меня, наконец, его впустить. Я нехотя открыл дверь, всем своим видом показывая, как не рад видеть гостя.

— Распоряжение от хозяина, — быстро тараторил он, пытаясь успеть донести до меня приказ до того, как я оторву ему голову. Он торопливо передал мне в руки несколько увесистых папок и был готов бежать прочь как можно быстрее. — Следует ознакомиться с документами перед началом работы. Здесь последние изменения в законодательстве Эребии и планы хозяина. Этим вечером он желает встретиться с вами, чтобы обсудить дела.

— Где?

— Он придет к вам.

— Свободен, — я забрал последние документы из его ледяных рук и захлопнул входную дверь.

Лориэн действительно внес много изменений. От внедрения отпусков, до формирования комиссии по допуску демонов в человеческий мир. Свое имя я видел на каждом документе: он втянул меня в несколько проектов, где я должен был быть согласователем, рабочими руками, надзирателем и карателем. Лориэн делал все, чтобы удержать меня возле себя, лишит свободного времени для посещения человеческого мира и пьянства. Я листал бумаги, искал упоминание о кровавом бале, но, к своему облегчению, ничего не нашел. Возможно, он отказался от этой идеи, а может, лишь отложил, решив посмотреть за мной.

Дурная мысль обсудить произошедшее с ним и задать волнующие вопросы вдруг загорелась внутри, но следом я задавил эту провальную идею. Лориэн не человек, он даже не демон, он ещё хуже. Дьявол лишь рассмеется, глядя мне в лицо, а затем вырвет с корнем мои чувства, растопчет в пыль, демонстрируя свои силы.

— Здравствуй, Кайм, — стоял в дверях Лориэн, покачивая в руке бутылку вина.

— На этот раз белое? — удивился я, пропуская его в дом.

— Отыскал любопытную винодельню, когда гостил в человеческом мире, — он поймал мой взгляд, и его губы растянулись в улыбке, которая, как чаще всего и бывало, не коснулась

черных глаз. — Эти люди работают на чистом энтузиазме. Их проект провален, не смотря на действительно шикарное вино. Знаешь почему? Люди так привыкли потреблять, что не могут по достоинству оценить подобный алмаз!

Лориэн прошел на кухню, уселся на высокий стул и поманил рукой бокалы, что стояли в шкафу. Я встал напротив, откупорил бутылку и разлил вино.

— Что это было, в баре? — выдавил я вопрос, чувствуя, как сжимается татуировка на предплечье. — Решил устроить сеанс терапии подчиненному?

Лориэн с усмешкой взболтнул вино и поднес к носу, вдыхая аромат.

— Почему бы и нет, — задумчиво покрутил он бокал, наблюдая, как капли слезами стекают по нему вниз. — Мне казалось, тебе это нужно. Жаль, что не вышло.

— Бывало, ты искусно скрывал свое присутствие даже от меня.

— Талант меня покинул, — рассмеялся он.

Мы вели размеренную беседу, заполняли тишину обсуждением рабочих задач, и я не заметил, как бутылка была прикончена.

— Соглашусь с тобой, — смакуя во рту последний глоток, сказал я. — Вино правда отличное. Жаль, что проект провальней.

— Так было бы, — вдруг сообщил он. — Но я вмешался.

— И что же ты сделал?

— Подарил им немного удачи, — пожал плечами Лориэн, и его взгляд скользнул по моему лицу, выискивая что-то на нём. Он допил остатки вина одним глотком и поставил бокал на столешницу с таким звонким стуком, что я вздрогнул. — Они так и останутся маленькой винодельней, но не разорятся. Клиенты, способные оценить их детище, всегда будут находиться. А успех не вскружит голову.

— Ты вершишь добрые дела? — я попытался вложить в свою улыбку иронию, но она получилась кривой и напряженной.

— Скажем так, — продолжил он. — Стараюсь для себя. А их успех лишь побочный эффект.

Я фыркнул, но смех застрял в горле. Лориэн сейчас выглядел таким спокойным, простым и расслабленным. Он развалился на стуле, раскинув руки, и это показное простодушие было довольно умиротворяющим зрелищем. На удивление, мне было легко рядом с ним. Никакой видимой угрозы во взгляде и голосе. Будто мы просто приятели, а не демон и дьявол в одной кухне.

Мне показалось, что именно сейчас идеальный момент для разговора о том, что меня так сильно тревожит. О том, что я отгонял от себя сотни лет, стараясь не задумываться. Я боялся, ведь вдруг тогда я был еще хуже, чем есть сейчас. Или лучше, и мне есть о чем сожалеть...

— Лориэн, почему я не помню прошлую жизнь? — слова вырвались сами, прежде чем я успел их обдумать.

Он замер. Полная тишина. Затем медленно поднял на меня взгляд, и его черные глаза показались бездонными колодцами.

— Ты сам этого пожелал, — прошептал он. — Не мог забыть, отпустить. И принял это решение очень-очень давно.

— Хочешь сказать, что я не всегда был бездумным демоном и убийцей?

— Ты никогда не был таким, — он внезапно рассмеялся, но смех был коротким и безрадостным. — Всегда отличался. За это я и уважаю тебя. Не бесхребетный солдат, а личность, даже после смерти. Ты хочешь узнать, кем был?

Что-то холодное и тяжелое сжалось у меня в груди.

— Нет. Не знаю.

— Так будет лучше, Кайм. Поверь. Есть вещи, о которых лучше не вспоминать.

— Знаешь, ты сейчас совсем не помогаешь, — я попытался улыбнуться. — Лишь разжигаешь интерес.

— Возможно, — снова рассмеялся он. — История циклична. Порой, даже однообразна.

Лориэн поднялся и принялся расхаживать по гостиной, рассматривая обстановку дома.

— Даже дом ты воссоздал точь точь, — тихо произнёс он.

Меня будто окатило ледяной волной. Все, что было здесь, казалось ничего незначущим. Все вещи просто были. Отдельно от меня. Просто что-то, чем я забил пустое пространство. Или нет?

Лориэн обрубил последующие вопросы. Он принялся вести монологи об истории, виноградьях, на которых побывал в последние дни, а затем, так и не дав мне вставить и слова, отклонялся, оставив меня один на один с новыми загадками.

Глава 4

Виола

— Виола! — трясла меня мама. — Ты опоздаешь!

Я натянула одеяло выше и попросила ещё пять минуточек, но она была непреклонна.

— Без десяти семь, Виола!

— Так что ты сразу не сказала?! — вскочила я с кровати.

Я должна быть в танцевальной школе уже в семь тридцать. Евгения строго наказала не опаздывать, иначе автобус никого ждать не будет.

Она лично отбирала учеников для участия в концерте ко всемирному дню молодежи. Мы проходили строгий отбор, где казалось, будто мы не были с ней знакомы ранее, а пришли с улицы. Не давала никаких поблажек, наоборот, гоняла каждого как никогда. Евгения вмиг стала жесткой, требовательной.

Я влетела в ванну и чистила зубы, напоминая себе, что и так получила это место по счастливой случайности. Последний месяц я нагло пропускала занятия, упиваясь своей болью. Меня убрали из списка танцоров на субботних концертах, угрожали и вовсе отчислить из школы, и я уже была к этому готова, но Евгения решила поступить иначе.

В один из вечеров я пришла домой после одинокой прогулки и застала её на нашей кухне. Они с мамой пили чай и мило беседовали. А на утро я получала наставления хореографа в танцевальной школе и выслушивала длинную речь о моем таланте и о том, как я успешно растрачиваю его впустую.

— Это не мое дело, — сказала тогда она. — Но вместо того, чтобы закрываться ото всех и от себя самой, выплесни эмоции на сцене. Проживи свою боль, ведь ты уже это делала в тот день, когда пришла сюда.

Евгения стояла возле своего стола, упиралась в него кончиками пальцев, высоко задирала подбородок и смотрела на меня свысока во всех смыслах этого слова. Она прекрасно понимала, что именно меня терзает, но не сказала ни слова. Это была немая поддержка, и я была ей за это благодарна. Хоть кто-то не предпринимал попыток пролезть мне под кожу.

— Я собрала тебе с собой перекус, — суежилась на кухне мама, пока я наспех пила кофе и поедала бутерброд с авокадо и творожным сыром.

— Нам положен обед, — пыталась я её остановить. — Возьму с собой только воду.

— Удачи! — обнимала меня мама.

Я вдохнула прохладный утренний воздух и поспешила к танцевальной школе. Место в сегодняшнем концерте не должно было достаться мне. В списках значилась Марго, но она неудачно сломала ногу, прыгнув с тарзанки в реку. Евгения долго думала, я видела, как сомнения мучают её изнутри, когда она решала, кем из списка запасных заменить Марго, и все же она пригласила участвовать меня.

Мне дали шанс, и я схватилась за него, как за спасательный круг.

Месяц, проведенный почти что в одиночестве, наедине с собой и страхами, скребущими под кожей, знатно меня утомил. Изо дня в день я гоняла одни и те же мысли, выдумывала различные варианты событий, но каждый раз упиралась в то, чем все и кончилось.

Друзья вытаскивали меня на прогулки, звали отдохнуть на даче, купаться на озере. Порой я отказывалась, но бывало, что они были очень настойчивы. Постепенно приглашения стали появляться все реже и реже, а затем они и вовсе исчезли. Кому захочется наблюдать мою кислую физиономию и пытаться вытащить меня оттуда, откуда даже я сама пока отказывалась выходить?

Марго единственная, кто не был готов оставить меня в покое. Она приходила ко мне домой без приглашения и могла просидеть в моей комнате несколько часов, рассказывая всевозможные новости. Подруга пару раз пыталась выведать все о Кайме, но осекалась, встречаясь с моим хмурым взглядом. Сама же я постоянно думала о нём. В ушах стоял звук его голоса, смех, перед глазами его взгляд, наглая ухмылка. Я вспоминала как он прикасался ко мне, целовал, обнимал. Сладкая пытка не останавливалась даже во сне, где я вновь видела его.

Мир будто покрылся слоем пыли. Даже самая яркая еда казалась безвкусной, а все звуки — приглушенными.

Я уговорила маму записать меня в автошколу, ведь папина машина простаивала в гараже без дела. И мама, на удивление, согласилась. Я отвлекала себя, погружаясь в зубрежку, и постоянно видела Кайма в каждой тени...

— Привет, Виола!

Знакомый голос вырвал меня из задумчивости и несказанно удивил. Валера стоял возле большого автобуса, на котором во всю длину красовался логотип танцевальной школы, и укладывал большие сумки в багажное отделение.

— Ты? — опешила я. — Зачем?

— Отменное приветствие, — рассмеялся парень, проведя пятерней по волосам. — Марго просила помочь, ещё до того, как ногу сломала. Я работаю вместе со светооператором. Стажер, можно так сказать.

Я пыталась вспомнить, говорила ли мне об этом подруга, но так и не поняла, ведь порой я лишь делала вид, что слушаю ее болтовню. Если это был коварный план Марго свести меня с Валерой, то он бесполезен!

— Виола! — громко цокала каблуками по асфальту Евгения. — Рада тебя видеть. Вы, ребята, знакомы?

— Учимся вместе. Вернее, учились в школе.

— Хорошо. Валера у нас в качестве помощника художника по свету. И он очень хорошо справляется, думаю, можно было бы взять его в штат. Что думаешь?

Я замялась, неловко косясь на Валеру.

— Если честно, я не знаю, — пожала я плечами в ответ на этот странный вопрос.

Валера проводил нас легкой улыбкой и помахал рукой перед тем, как мы вошли в здание.

Внутри Евгения не переставала раздавать всем указания, и поманила меня за собой к кабинету.

— Я рада, что ты сегодня с нами.

— Спасибо, что дали шанс.

— Ты нужна мне на празднике, да и не только там. У нашей школы появился меценат. Довольно состоятельный мужчина. В будущем он планирует проводить праздники и шоу, где будут участвовать лучшие танцоры. Он придирчиво отбирает участников, даже хлеще, чем я, — рассмеялась Евгения, но ее смех был каким-то натянутым. — Это большая честь, что он обратил внимание на нашу школу! Он обладает особым чутьем. Говорит, что ищет не просто талант, а искру. И знаешь, когда я рассказала ему о тебе, он проявил самый живой интерес. Кажется, твоя искра ему приглянулась.

Меня удивило странное поведение Евгении. Ее манера речи, нервное покусывание губ, словно затуманенный взгляд — все это пугало. Но еще больше меня напрягало странное появление некоего мецената, при мысли о котором я почему-то начинала дрожать всем телом.

— И кто он такой?

Она задумалась, но улыбка быстро вернулась на её лицо.

— Бизнесмен, филантроп. Он выступает спонсором в нескольких творческих проектах, поддерживает искусство. Занимается восстановлением архитектурных памятников.

— Как расплывчато, — сухо ответила я.

— Поверь, — наклонилась она ко мне. — Тебе нужно попасть к нему. Возможно, в этом и есть твоя судьба.

Я не верила в судьбу. Раз она так надо мной поиздевалась, то я не готова отдать ей свою жизнь.

— Попробовать, наверное, стоит, — улыбнувшись ответила я. — Но скоро у меня начнется учеба, свободного времени будет гораздо меньше.

— Понимаю, — кивнула Евгения. — Уверена, все будет хорошо и сложится именно так, как нужно.

— Привет! — плюхнулся на сиденье рядом со мной Валера.

Я не ответила, просто прибавила громкость в наушниках. Он не стал настаивать, просто сидел и смотрел в окно. Но я чувствовала его взгляд. Он не требовал, он... ждал. И в этом ожидании было что-то невыносимое.

Я прекрасно знала, что до сих пор нравлюсь ему. Он не был настойчив, просто держался поблизости, всегда готовый подать руку. Меня это радовало, успокаивало, но все же, больше — раздражало. Не от него я хотела внимания, и не ему готова была дать свое.

— Приехали, — тихо произнес Валера, вытащив мой наушник.

Его милая улыбка, взгляд с обожанием разозлили, я дернула наушник из его руки и засопела, отворачиваясь к окну. Он больше ничего не сказал, лишь положил руку на спинку сиденья и смотрел на меня, ждал пока я встану, чтобы вместе выйти из автобуса.

— Где выход — знаю.

Его лицо вытянулось, рука будто упала и повисла вдоль тела плетью.

— Да что с тобой? — удивился он, а следом пошел прочь.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы восстановить дыхание и успокоить нервы.

Он и правда ни в чем не виноват. То, что я закипаю, исключительно моя проблема.

— Извини меня, — подошла я к Валере на улице. — Нервничаю перед выступлением, и сорвалась на тебе.

— Все хорошо, — улыбнулся он в ответ. — Но я удивлён. Танцы твоя стихия! Мне казалось, что тебе танцевать проще, чем ходить.

— Тут ты прав, — рассмеялась я, услышав такое сравнение. — Но выступление — это другое. Все глаза обращены на тебя, каждое движение должно быть идеальным. Это большая ответственность.

— Я уверен, ты справишься, — он положил руку мне на плечо, ободряюще его сжав. — На выпускном получилось же.

На его лице мелькнула тень. Валера сделал паузу и добавил:

— Жаль, не со мной.

И снова образ другого мужчины возник перед глазами. Нахмуренный взгляд, ухмылка на красивом лице, темные, почти чёрные глаза. Его губы расплзаются в улыбке, и произносят то, что я никогда не забуду...

— Виола, — голос Валеры вырвал меня из той ямы. И на этот раз я за него ухватилась.

— Все в порядке! Нервы, говорю же!

Я упорхнула к девочкам, помахав ему рукой, и постаралась выбить Кайма из своей головы.

Я соврала, ведь на самом деле совершенно не боялась выступать на публике. В эти моменты я полностью отдавалась танцу, забывая обо всём, что находится за пределами сцены. Я чувствовала свое тело, каждую мышцу.

С движениями я выплескивала все тревоги и волнения, умирала разум и сердце. И сегодняшний день не стал исключением.

— Ты была бесподобна! — хвалила Евгения, заключив меня в крепкие объятия. — Я в восторге!

В раздевалке из зеркала на меня смотрела запыхавшаяся девушка с красными щеками, бисеринками пота на шее. А главное — с улыбкой от уха до уха.

И все же ленивый месяц давал о себе знать. Тело протестовало против таких нагрузок. В это выступление я выложились на максимум, и мои ноги отказывались подчиняться.

Волнение Евгении передавалось не только мне, но и остальным танцорам. Каждая из нас была предельно сосредоточена, боясь допустить малейшую ошибку. И на обратном пути в автобусе стояла тишина: все либо спали, либо молча смотрели в окно. Ни у кого не осталось сил.

Я села на свое сиденье и зажмурилась, вспомнив, кто сидит на соседнем кресле. Но Валера будто почувствовал мои опасения. Сел рядом, улыбнулся, а затем надел на голову наушники и задремал под музыку. Я не сдержалась и облегченно выдохнула, а затем и сама последовала его примеру.

— Я бежала со всех ног, чтобы поздравить тебя! — весело махала мне костылем Марго.

— Так спешила, что даже гипс не помешал? — рассмеялась я и крепко обняла подругу.

— Мне ничего не мешает, Ви! Я правда чуть не сошла с ума, пока сидела тут на лавке у подъезда.

— Пойдём домой?

— Я уже пыталась, у вас лифт не работает.

— Тогда давай здесь посидим.

— Ты же устала, я не хочу тебя задерживать, — стала собираться Марго. — Главное, что я поздравила тебя лично.

— Да стой ты, — усадила я её обратно, и выхватила из рук костыли. — Я тебя обездвигила. Немного посидим и по домам.

Марго расплылась в довольной улыбке и, даже не дав мне сделать вздох, принялась засыпать меня вопросами.

— И все же, как именно ты умудрилась сломать ногу?

— Ты же знаешь, я ездила на дачу к двоюродному брату. Там отдыхали его однокурсники, ну, и я вместе с ними была. Вечером их потащило на речку, брат вспомнил про тарзанку, все стали прыгать, и сорвалась веревка именно на мне! Представляешь? Я визжала на всю деревню! Позорище!

Марго в красках описывала как она полетела в воду, как кричала и молила о помощи. И, конечно, об одном из друзей брата, выпускнике института, который вызвался её спасти.

— Он вынес меня на берег, — загадочно улыбаясь, говорила она. Её голос становился все тише, будто она делится страшным секретом, и мне приходилось замирать, чтобы расслышать продолжение этой истории. — Наложил шину. Он её сделал из подручных средств: ветки, куска своей футболки. А затем отвез меня в больницу.

— Вы встречались после этого?

— Да какой там! — фыркнула она. — Просто переписываемся. Я уже все пальцы в кровь стерла, постоянно ему печатаю. Я пока лишена мобильности.

— Он мог бы приехать, — пожала я плечами.

— Я предлагала, ведь на одном месте сидеть то могу. Но он сказал, что очень занят. В Москву приехал давний друг, у них встреча века, как он выразился.

Русые волосы Марго переливались в лучах закатного солнца, а сама она излучала сплошную радость, не смотря на сковывающий её гипс. Веселость подруги передалась и мне, я вдруг забыла о своей боли, усталости, и весело смеялась с ней, сидя возле подъезда.

— Снова он, — тихо сказала я, заметив бегущего к нам Валеру.

— Глянь, как собачонка все за тобой бегаёт, — улыбалась Марго и весело махала ему рукой.

— Ты оставила! — указал она на мою сумку в своей руке.

Я так устала за этот день, что умудрилась забыть про неё, бросила на полу в автобусе.

Валера принялся рассказывать Марго как прошло выступление, делился своими впечатлениями, чем поразил подругу. Да и меня тоже. Было странно слушать мнение со стороны, и одновременно приятно. Ведь Валера делился восторгом, который вызвал и рабочий день с осветителем, и наше выступление.

— Зал замер! — сказал он и вдруг положил руку мне на плечо, слегка притянув к себе

Я опешила от этого прикосновения, застыла, пытаясь побороть шок. Когда-то Валера нравился мне. Он был приятным парнем, симпатичным и добрым. Но в моей голове был другой человек. Мужчина. И только его прикосновения я мечтала ощутить на своем теле.

Рука Валеры легла на мою талию, и он притянул меня к себе в порыве восторга.

Мое тело взорвалось изнутри сигналом тревоги. Это было не то. Не та сила, что сжигала дотла, не те пальцы, что оставляли на коже невидимые следы. Его прикосновение было теплым, мягким, но абсолютно чужим.

В горле встал ком. Я резко вывернулась, оттолкнув его. Не сильно, но достаточно, чтобы он отшатнулся с израненным выражением лица.

— Я тебя предупреждала! — засмеялась Марго, пытаясь спасти ситуацию шуткой, но ее смех прозвучал фальшиво. — Она тебе не по зубам!

Дело было не в нем, а во мне. В памяти всплыло другое прикосновение, другой взгляд, полный тьмы и обожания. И по сравнению с этим призраком Валера был никем. Мне стало до тошноты стыдно за эту жестокую мысль.

— Извини, — прошептала я, хватая сумку. — Мне пора.

В квартире я оперлась на дверь и сползла вниз. Слезы подкатили в горлу. Я скучала. Безумно скучала по Кайму. Мне так хотелось услышать его голос, то надоедливое прозвище, почувствовать его взгляд. Я сотрясалась в рыданиях, тело скручивало будто от обжигающей боли. Снова и снова я проваливалась в эту бездну. И только те его слова звучали в ушах. Я больше не увижу его. Он лишь как тень из воспоминаний мерещится мне повсюду. И только о нём все мои сны.

Кайм

Лориэн устроил пышный прием, решив, что нет смысла ждать до Кровавого бала, чтобы сообщить нижнему миру о моем возвращении на службу.

Я заливал глотку вином, смешивая с коньяком, виски и любым другим алкоголем, который появлялся в зоне досягаемости. Мимо меня не проходил ни один официант. Никто не смел отказать, их глазки лишь бегали от меня до Лориэна, который, поджимая губы, вёл с гостями длительные беседы в другом конце зала.

Эта театральная постановка сквозила фальшью, и я отказывался играть свою роль.

Виола и щенок возле неё, загадки, брошенные мне Лориэном — я устал. Не знал, что делать, и нужно ли вообще. Одно я понимал точно, я наворотил дел, но страдают от этого другие.

— Притормозил бы, — шепнул на ухо Велиар, и в его голосе прозвучала тревога.

Он махнул рукой, отгоняя очередного официанта с полным подносом бокалов, и нагнулся еще ниже, обдавая мое лицо теплым дыханием.

— Я настоятельно рекомендую уgomониться. Ты привлекаешь к себе слишком много внимания.

— Люблю работать на публику, Вел.

— Главный зритель здесь — Лориэн. И ему твоя игра, похоже, не по нраву.

Я хмыкнул, опрокидывая в себя последний бокал.

— Тогда выступление пора заканчивать, — улыбнулся я, и похлопав его по плечу, двинулся к выходу.

Белиар несколько раз пытался выйти со мной на контакт. Как-то заявился ко мне домой, за что я вновь разбил ему морду, в другой раз приперся в «Хвост змеи», и там мы устроили погром, за который я выложил немало денег Имайне и Стигу. А последний раз, тот, что был вчера, я не выдержал его коротких взглядов и сцепился прямо в доме Лориэна. Он разнял нас, как двух псов, раскидал в разные стороны и тихим, вкрадчивым голосом объявил, что ждёт каждого при повторении этого шоу. Тогда перед нами стоял хозяин, и гнев его сжимал наши гнилые сердца.

Для него мы были лишь отбившимися от рук псами, которых он на удивление не смог сдержать. Лориэн будто недоумевал, где именно он дал слабину, и раздумывал, в какой момент натянуть поводок, чтобы заставить цепного пса припасть к ногам.

Ручка двери никак не желала поддаваться, я пытался опустить её, нажимал, думая, что ту заело. Но на деле заело тут лишь мой разум, он остался там, в том мире, где сейчас лила слёзы Виола. Или смеялась в обнимку с новым парнем.

— Ещё рано уходить, — послышался голос Лориэна.

Легкая улыбка на лице никак не выдавала истинного настроения. С величавым видом он очутился возле меня, попутно кивая проходящим мимо гостям.

— Я должен представить тебя, Кайм.

— Будто кто-то не знает, кто я такой! — почти прошипел я, пытаюсь сконцентрироваться на ненавистной двери. — Давай без театральщины, Лориэн. Мне это осточертело.

Он едва заметно дернул носом, но сохранил бесстрастное выражение лица.

— Я собрал всех вас этим вечером, — громко говорил он, и его голос разлетался по всему залу, привлекая всеобщее внимание. Затихла музыка, голоса и смех превратились в шепот, который постепенно ускользал от моего острого слуха. — Чтобы явить вам главную новость!

«Покорись» — шептал голос, и невидимые руки подталкивали меня к центру зала, туда, где уже стоял Лориэн.

— Ближится новая эра! — вещал он, завладев общим вниманием. — Наш мир покажет себя во всей мощи! Мы докажем, что невозможно противостоять тем, в чьих руках сила. Человечество стало забывать тех, кто испокон веков был рядом. Нижний мир превратился в сказки, истории, которые слушают с улыбкой на лице. Собственное прошлое они воспринимают как выдумки, а предков выставляют глупцами. Но не эти ли глупцы писали историю, основываясь на фактах?! Люди знали о существовании иных существ. Поклонялись, заключали сделки, молили о помощи. Как ещё может научиться душа? Без помощи? Нет, это невозможно! Наш мир нуждается в их вере, страхе, в душах, которые они принесут в дар нижнему миру. Мы прольем кровь человеческую, и она напитает все земли, от среднего до нижнего мира! Нас вспомнят, призовут. Имена ваши вновь станут слетать с их губ. И только вам решать, как ответить на те просьбы!

Гости закивали, раздался нестройный хор голосов и аплодисментов. А Лориэн, уставившись на меня взглядом хищника, продолжал:

— Мой лучший воин, настоящий демон, которому нет равных ни по силе физической, ни по умственной, возвращается на службу. Кайм займет должность, которая принадлежит ему

по праву. Вновь встанет возле меня, как советник и правая рука. И вместе мы вновь изменим историю!

— Как только протрезвею, Лориэн!

На его лице все так же блистала улыбка, а мою шею сжимала мертвая хватка. Гости непонимающе уставились на меня, гадая, что же на самом деле стало причиной резкой нехватки воздуха, и сбивчивых вдохов.

— Кайм и Велиар закончат свою миссию, воплощение длиною в почти двадцать лет, а затем начнется новая глава для нашего мира!

Гости громко и, на этот раз, стройно захлопали, засвистели, обрадованные этими новостями. Я же с ненавистью смотрел на хозяина, ведь он подбирался ко мне все ближе, чтобы застегнуть на моей шее свой ошейник. И на этот раз, похоже, он больше не позволит мне уйти на самовыгул.

— Я не потерплю подобного, — холодно говорил он. — И моя рука не дрогнет, когда придётся снести твою голову.

— Так чего же ты медлишь? — так же тихо спросил я. — Для чего весь этот цирк?

Лориэн не ответил, лишь оскалился и вернулся к гостям, оставляя меня одного.

Двери распахнулись, и я, прихватив очередной бокал, вышел из зала.

Воплощение Кайма и Велиара.

Через несколько трезвых дней, на рассвете, Лориэн объявил нам, что перерыв окончен, нас ждет работа и новый участник этой игры. Хозяин решил, что нам нужен «свежий взгляд», но и я, и Велиар видели это лишь обузой.

Мелкий Нибрас трясся от восторга, получая напутствие Лориэна. Для такого, как он, воплощение было дозволением на любые мерзости, а не продуманной миссией. Он отправлялся туда лишь для развлечений. Радовало лишь то, что вдали от хозяина и от посторонних глаз мы быстро покажем сопляку правила игры.

— Для меня честь отправиться туда вместе с вами, — заискивал он, когда Лориэн, дав последние указания, испарился из кабинета. — Я много слышал о вашей тактике, надеюсь, что смогу быть полезен.

— Заткнись, — пробурчал я, проходя мимо него. — Если хочешь быть полезен.

Велиар хмыкнул и двинулся следом, прожигая мне спину цепким взглядом.

После той ночи мы не разговаривали. Лишь сухие обсуждения предстоящего воплощения, идеи по окончательному разрушению Артема. Меня выворачивало наизнанку каждый раз, когда он произносил мое имя, когда протягивал ладонь для рукопожатия. И улыбка, даже самая добродушная, виделась мне звериным оскалом.

Я видел, как Велиар старается добиться моего расположения, пытается шутить, избегает острых тем, но я не мог пересилить себя. Доверие к нему было подорвано, злость крепко засела в разуме, а картинки — смерть Агаты, мое бегство от Виолы — служили напоминанием.

Да, не Велиар вытащил меня из объятий Виолы, я сам сбежал от нее, словив рыцарский приступ. Но винил во всем его, так мне было проще. Но и о его участии во всём этом я никогда не забывал. Лишь продумывал, как поступлю с ним в итоге. Ведь все должно быть красиво, изящно и со вкусом.

Артем встретил нас с расprostертыми объятиями. Он дышал так часто, словно в наших поисках успел добежать почти до самого ада. Облегчение расплзлось по его телу, а глаза покрывались маслянистой пленкой. Следом зазвонил его мобильник, и Артем улыбнулся, когда увидел имя, высветившееся на экране.

— Кирилл! Рад тебя слышать! — восклицал Артем, не скрывая какую-то детскую радость в уже взрослом и прогнившем напрочь теле. — В бар? Этим вечером? Ну, конечно, да! До встречи!

Меняйлов, сам того не понимая, только что дал согласие на следующий, последний, этап наших развлечений. Но, судя по его ухмылке, никакого сожаления он не испытывал.

Блевать хотелось от его покорности, благоговейной улыбки на поганой морде и слабости, которая сочилась из каждой поры.

— Наша цель, — начал деловым тоном вещать Велиар.

— Моя цель, — перебил я, рывкая. — Убить эту мразь собственными руками. И я держусь из последних сил.

Нибрас, ставший свидетелем нашего разговора, лишь сглотнул, не издавая ни звука. Молодец, сразу смекнул, что иначе долго не проживет. А показать себя в воплощении ему очень даже хотелось. Выслужиться перед хозяином, да и горделиво рассказывать друзьям о работе с нами, вызывая трепет и зависть.

Кирилл Савин появился в баре под всеобщие крики и свист. Меняйлов и его братья были рады встретить старого друга, а тот пригласил своего приятеля с загадочным именем Нибрас, вызвав интерес всей компании.

Наш новый сообщник так и не смог выдумать себе более легкое имя, чтобы людям было проще его запомнить. Я почти проломил ему череп, пока тот перед входом в бар накидывал идеи по новому имени. Когда он озвучил очередной вариант, который казался ещё чуднее, чем тот, что был, я схватил его за шкирку и затащил в бар, как ссаного школьника.

Началась новая глава нашего воплощения, и на этот раз я не хотел щадить никого. Я мечтал о крови, о страхе, желал напитаться этим, поскорее забыться и лишиться всего человеческого. Спрятать поглубже боль, стать вновь тем, кем и являлся на самом деле, кого хотели во мне видеть. Ведь тогда меня перестанут терзать мысли о прошлом. О том, кем я хотел бы стать, с кем мечтал быть рядом. По маленькому кирпичику я выстраивал стену, лишая себя хоть какого-то света, запирали в крошечной темноте, где повсюду раздавались лишь крики и боль билась о камни. Я погружался в искусственное, сотворенное силами нижнего мира, сознание Савина, отторгал истинный образ. И чернота завлакивала разум. Запах пшеницы и яблок, игры солнечных лучей в золотых волосах, — это становилось далеким воспоминанием, и то не факт, что моим.

По указу Лориэна мы разделились. Велиар и Нибрас работали с Артемом, а я, не показываясь в этом мире, с остальными Меняйловыми, чтобы затем вновь примерить на себя образ Савина.

Лориэн, будто садовник, обрезал все живые побеги, оставляя лишь сухую, ядовитую лозу. С каждым днем, проведенным вне физической оболочки, я терял разум. Крупица за крупицей. Воспоминания ускользали от меня, и образ рыжеволосой нимфы померк окончательно, словно его, как свечу, затушили ладонью.

Я не помнил, что именно я забыл, но испытывал облегчение. Меня ничего не тревожило, осталось лишь одно желание: извести души, предоставленные в личное распоряжение самим дьяволом. И я самозабвенно занимался этим, развращая, очерняя то, что не принадлежало им самим.

Велиар

Работать с Артемом было до скуки просто. Он испытывал такой восторг от моего присутствия, словно вот-вот обмочится в штаны. Меня это даже удивило. Это значило лишь одно, наша работа не была проделана зря, каждое действие привело именно к этому моменту. Я гор-

дился собой, Каймом, ведь мы трудились над этим уже много лет. Проект длиною в жизнь, чужую и бесполезную.

Нибрас, как ребенок, радовался каждому дню, проведенному здесь. Лориэн решил, что ему лучше работать со мной, отдалив от Кайма. Я понимал, почему он принял такое решение. Ведь иначе жизнь свежего демона оборвалась бы очень быстро.

Чересчур окрыленный, Нибрас и меня раздражал ежесекундно. Слишком идейный, восхищенный. Я отослал его подальше, дав задание заняться одним из друзей Артема. И тот, чуть ли не падая мне в ноги, бросился его исполнять.

Я не видел Кайма, а порой даже не чувствовал. Он был вдали, занимался братьями и избегал любого соприкосновения со мной.

Стыд, как кислота, разъедал меня изнутри. Артем дергался, чувствуя едкие брызги, но списывал на очередное похмелье. Он продолжал заниматься тем, что нравилось ему больше всего: убивать, насиловать, заколачивать себе дорогу в верхний мир досками, покрытыми чужой кровью.

А я... я видел только черноту в глазах Кайма. Ту самую, что я и помог создать. Вернее, вернуть. Настоящей радости от этого я не испытал. Неуверенность, опасение — этого было в достатке. Внутри я вёл бесконечный торг, где раз за разом задавал себе одни и те же вопросы.

Правильное ли это было решение? Да. И единственное. Нам недоступны чувства. Но эта мантра уже не помогала. Потому что я боялся. Не Лориэна, а того, что однажды Кайм посмотрит на Виолу так же, как смотрел на Агату. И на этот раз я не просто предам друга. Я стану палачом.

Кирилл Савин вернулся и стал ещё более ожесточенным. Мы виделись пару раз на неделе, когда собирались в одном из баров или в доме Артема, и чернота в глазах Кирилла-Кайма порой пугала даже меня.

Мысль, что я повинен в этом, с каждым днём укоренялась в моей голове. Но разве мог я поступить иначе? Мог ли исправить это? И я отвечал себе, напоминая, что выбора у меня никогда и не было, стараясь не позволять крупницам сомнения разрастись.

Я продолжал вбивать себе в голову то, что поступил верно. Что с Агатой, что с Виолой. И с прочими, что были до них. Слуга нижнего мира не знает, что такое слабость и привязанность. И всегда я пытался помочь Кайму истребить болезнь, вернуть его на верную дорогу. У нас иной путь, и отклониться от него попросту невозможно. Я не хотел, чтобы и смерть Виолы была на моих руках. Он должен остановиться, иначе случится что-то поистине жуткое. И когда Кирилл Савин, вставая возле меня, делал глубокий вдох, и кислород бежал по человеческим венам, его глаза темнели ещё больше, зрачки расширялись, а рот изгибался в улыбке, от которой покалывало ладони. Я скалился в ответ, но ощущение опасности, исходящее от него, нарастало, пугая с каждым разом все больше и больше.

Глава 5

Возвращение прошло на удивление гладко, практически без последствий. Правда, не для всех. Нибрас, подающий надежды демон, в нижний мир не вернулся, остался горсткой пепла на человеческой улице. Слишком идейный, слишком навязчивый. Мы с Велиаром, хоть и не были в восторге от общества друг друга, так и не смогли принять в нашу команду третьего. Этот тандем выстраивал работу сотни лет, и не признавал изменений. Мысль, что Нибрас помимо помощи еще и наблюдает, чтобы передать хозяину каждое слово и действие, щекотала разум. Где-то на задворках сознания, росла идея, а Кирилл Савин с легкостью воплотил ее в жизнь, избавляясь от надоедливого парня.

Лориэн высказал свое возмущение по поводу потери бойца, и следом удалился.

Мы с Велиаром впервые за долгое время одарили друг друга улыбкой. Ведь устранение Нибраса было нашим общим планом. В этом воплощении возможно лишь два действующих лица, и появление такого слабого, дотошного и лишнего демона, да ещё и на пути к финалу, вызвало в нас отторжение. Мы долго терпели, но ведь всему приходит конец.

В доме Лориэна было неожиданно шумно. Фигуры, подобные теням, сновали всюду. Садовник, демон с безобразным лицом, будто облитым кислотой, увлеченно подстригал живую изгородь, и не сразу обратил на меня внимание. Другой демон, с человеческим лицом, но с пустыми провалами вместо глаз, ровнял газон, толкая перед собой косилку. Растения в Эребии никогда не сверкали зеленью. Серый, коричневый и чёрный — вот цвета нашего мира. Тлен, гниль и упадок. Но здесь, в поместье Лориэна, все это казалось красивым. Он смог добиться изящества в мертвом мире. В окнах первого этажа виднелись силуэты слуг, все они были внешне похожи на человека, с теми или иными исключениями в образе. Они осторожно смахивали пыль с предметов искусства, натирали воском полы, стараясь довести идеальность этого жилища до совершенства.

Хозяина я увидел с улицы. Он стоял на балконе второго этажа, укутанный в длинный бордовый халат, и, оттопырив мизинец, пил кофе из маленькой белой чашки. Я непроизвольно хмыкнул, когда увидел эту картину. Показная аристократичность всегда забавляла меня. Хотя, не думаю, что она была. Манерность стала неотделимой частью Лориэна. В его облике, окружении, жилище — все было элегантным.

Он не вызывал меня, я сам захотел провести с ним этот день. Озвучить вопросы, которые душили меня с завидной регулярностью. Между нами оказалось слишком много недосказанности. Я пытался адаптироваться к новой реальности, в которую Лориэн упорно пытался меня встроить. Каждый шаг давался тяжело, а радушие на лице вряд ли выглядело искренним. Мысленно я старался реже возвращаться к Виоле. Там мне не место. Оно здесь, среди мертвого и злого, как и я сам.

Лориэн учтиво кивнул, смотря на меня сверху вниз, и плавно двинул ладонью, открывая входные двери. Я прошел в гостиную, будучи готовым к новому поединку в словесном фехтовании.

— Вина? — спросил он вместо приветствия.

— Утро, Лориэн.

— Разве для хорошего напитка существует подходящее время суток? — вздернул он бровь. — Твой организм более не работает так, как человеческий. Ты избавился от несовершенства. Так к чему же какие-то ограничения? Утро, день, вечер! Это лишнее, когда ты бессмертен. Важно лишь одно, — то, чего хочешь ты.

— Тогда, бокал красного сухого.

Лориэн улыбнулся, его глаза с интересом заскользили по мне, и он довольно кивнул, а затем подозвал слугу.

Я подготовился к этому моменту. Переживал, что, как и в последние торжественные приемы в этом поместье, я буду мучаться от стесняющей меня одежды, но сейчас осознал, что совершенно не замечаю галстука на шее, пиджак не сковывает движений, а брюки сидели так идеально, что я на мгновение застыл перед зеркалом, с непривычки оценивая собственное отражение.

— Рад тебя видеть, Кайм. Признаюсь, весть о твоём визите меня, кхм, слегка удивила.

Замешательство и впрямь легко читалось на его лице. Лориэн всматривался в мое лицо, оценил внешний вид с головы до ног, но сузил глаза, встречаясь со мной взглядом, будто искал подвох.

— Пора наверстать упущенное.

Лориэн кивнул и рукой указал мне направление. Мы сели на кресла в малой гостиной, где нас окружали лишь предметы искусства и горы, высившиеся за большими окнами. Верхушки были отчетливо видны, туман развеялся, ветер не поднимал пыль, и это свидетельствовало о спокойном настроении хозяина.

— Как ваши взаимоотношения с Велиаром? — вдруг спросил он, нарушая наше молчание.

Я совершенно не желал говорить с ним о Веле, но знал, что этот вопрос будет поднят. Мы всегда работали вместе с момента нашего появления в нижнем мире. Кто из нас оказался здесь раньше — я не помнил, а Велиару, думаю, было абсолютно наплевать. Главное ведь то, кем он стал, а не когда.

— Вино, кстати, из той винодельни в человеческом мире, — разглядывая бокал и меня заодно, говорил Лориэн.

Он не стал дожидаться моего ответа касательно Велиара. Ему было достаточно искаженного лица, чтобы понять, что разговор вдруг может уйти в иное русло. А Лориэну было чертовски любопытно, зачем же я по собственной инициативе заявился к нему на аудиенцию.

— Продолжаешь творить добро.

— Да нет, — легкомысленно ответил он, покачивая ногой. — Как я и говорил, забочусь лишь о своих интересах. Если не помогать им, они скатятся до низкопробного пойла в погоне за прибылью. Заменят ингредиенты, подделают разрешительные бумаги. И все превратится в прах.

— Но ведь они все так же послужат на благо нижнего мира, — тихо усмехнулся я, делая глоток.

— Верно, — согласился Лориэн. — Но, если подумать, и без них достаточно людей, которые служат нам. Эти же пусть творят лично для меня.

Вино и вправду было потрясающим. Не таким, к которому мы оба привыкли, но оно отличалось от многих. Напиток в бутылке был живым, ярким на вкус. Он раскрывался во рту, ударяя во вкусовые рецепторы, мягко окутывал и дарил легкое расслабление и тепло в теле. Он не опьянял, лишь дарил безмятежность и успокоение вечно работающего разума.

— У тебя есть ко мне вопросы, Кайм.

Проницательные глаза Лориэна смотрели прямо в мои. Без злобы или гнева, с заинтересованностью и легким опасением.

— Я долго думал над этим. Размышлял, стоит ли вообще их задавать, — говорил я, все больше и больше привлекая его внимание. — И если и стоит, тебе ли. Но пришел к выводу, что риск стоит того. Я устал, Лориэн. Устал от недосказанности и догадок, которые рвут меня изнутри. Возможно, сейчас я совершаю очередную ошибку, может, даже самую крупную за все свое существование. Но мне нужны ответы. Иначе я попросту не могу.

— Знаешь, — отставил он свой бокал на столик. — Я удивлён, что ты шел к этому так долго. Я не враг тебе. И я искренне готов помочь.

— Не враг, — уточнил я. — Но друг ли?

— Спорный вопрос. Я хозяин этого мира. Дьявол, Сатана, бог смерти и лжи. Моих образов и личин довольно много. Поэтому, я могу быть и твоим другом.

Я лишь хмыкнул, ничего не произнося в ответ. Лориэн будет моим другом лишь тогда, когда это будет выгодно ему самому, когда я буду удобным и исполнительным. Как собачонка на поводке. Если не гавкает — нравится, раскроет пасть — получит удар под дых.

— Лориэн, — привлек я его внимание. — Ты хотел бы стать человеком?

Он выгнул бровь в удивлении и пару секунд смотрел на меня, не моргая.

— Ты же знаешь, — с изумлением говорил он. — Я не люблю несовершенства. А в людях их в достатке.

— Неужели ты считаешь, что их нет в нас?

— Их нет во мне.

В его голосе вдруг не прозвучала непоколебимая уверенность. Лориэн не верил в то, что произнёс. Его глаза на миг вспыхнули, тьма и лед сменяли друг друга, но чернота, густая и живая, вновь заволокла зрачок, скрывая что-то незнакомое и чуждое его образу.

— Ты испытываешь эмоции? Чувства?

— Кайм, у нас день глупых вопросов?

— Меня интересуют конкретные чувства, — продолжил я, игнорируя нарочито смешливый взгляд, направленный на меня. — Привязанность и любовь. Переживал ли ты подобное хоть раз за всё своё бессмертие?

Лориэн молчал. Он смотрел будто сквозь меня. Жилка на шее дернулась, взгляд наконец сфокусировался, и я был уверен, что в ответ услышу философские размышления, далекие от темы или встречный вопрос, уводящий от его персоны.

— Да, — ответил он. — Правда, для меня это звучит не так, ощущается иначе. Но с уверенностью могу сказать, что я знаю, что такое любовь, привязанность и вожделение.

Лицо Лориэна, красивое и неподвластное времени, слегка исказилось. Grimаса грусти нарушила его идеальность. А взгляд, на короткое мгновение, еле заметное даже моему цепкому глазу, показал все уязвимости бессмертного и могущественного существа.

— Моя история не так уж сильно отличается от твоей, Кайм. Я любил, и продолжаю любить. Но я тот, кто я есть. Мне недоступны эти чувства в том виде, в котором их знают другие.

— Ты о моей истории?

— Да, если быть точнее, привязанности к людям. Например, юная особа из человеческого мира. Как там ее... Виола. Красивая девушка.

Я не дышал. Не двигался, чтобы не показать напряжение. Прятал все чувства и эмоции, но одновременно понимал, что все это бесполезно. С Лориэном это ни к чему. Он всегда знает все.

— Не изменяешь традициям, Кайм. Она похожа на остальных. На Агату, на других, которые ищут тебя в любой жизни.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Судьба странная вещь, — виновато улыбнулся Лориэн. — Она может осчастливить или же сыграть злую шутку. Как например с нами двумя. Ни ты, ни я не имеем права на жизнь. Человек, или же кто-то иной, не должен быть рядом с нами. Но те самые чувства — влюбленность, привязанность, желание обладать — они в нас живут и побуждают к действиям. И каждый раз мы задаем себе вопрос, какое же наше решение будет верным. Эгоистичное, ради себя самого, или стоит выбрать то, что принесет меньше урона? Но опять же, смотря с какой сто-

роны посмотреть. Возьмем твоего человека. Она страдает без тебя, но и с тобой будет страдать не меньше. Её судьба быть с тобой, но ты же застрял здесь.

— А кто же твоя судьба? — выпалил я, проглатывая только что услышанное, словно острое стекло.

— Моя судьба... — он медленно повернул ко мне голову, и в его черных глазах плескалась бездонная, древняя тоска. — Была отнята у мира очень давно. И теперь я лишь страж того, что от нее осталось.

Я молчал, не представляя даже, что теперь делать с открывшейся мне информацией. О Виоле, о Лориэне. О самом себе. Это так ошарашило меня, что я замер, и ни одна мысль не смогла сложиться так, чтобы я смог за неё ухватиться. В голове будто все перемешивалось, не позволяя задерживаться им и на долю секунды.

— Как я уже сказал, — продолжал он. — Во мне множество образов. Сейчас ты вёл диалог скорее с другом, но вместе с тем, я и хозяин.

— Оставь попытки навредить ей.

— Я ждал этой просьбы.

Лориэн поднялся с кресла и навис тенью надо мной. Я же не мог двигаться. Его сила прижала меня как бетонная плита, позволяя совершать лишь едва заметные вдохи.

— Как друг я советую тебе оставить её в покое. Забыть. Как хозяин нижнего мира я предупреждаю, что если ослушаешься этого совета, она умрет. Я сделаю это на твоих глазах. В очередной раз.

— Я хочу вспомнить, — еле слышно прошептали мои губы. — Все, о чем ты только что говорил.

— Тебе стоит уйти.

Странное спокойствие накрыло мое сознание, растеклось по венам. Я не вспыхнул, окончательно убедившись в его причастности ко всему, не обозлился. Даже расслабился, убеждаясь в собственных догадках. Его сила надо мной не давила, не вызывала сопротивление. Она была тем, что я готов был признать. Осознание билось где-то на задворках разума, но так и не могло выползти на поверхность. Мысль, что это не моё решение, а навязанные чувства, пронеслась в голове с молниеносной скоростью, и тут же погасла.

Лориэн

Сколько я существую? Сотни тысяч лет, миллионы? В гордом одиночестве я слышу голоса, что призывают меня. Я стал их надеждой и опорой, прообразом зла и объектом ненависти. Вмещал в себя все, что человек не мог познать и объяснить. Я смирился со своей участью и продолжал двигаться вперёд. Был безмолвным слушателем и другом, палачом и врагом. Я являлся в том образе, который желал видеть человек. Душа сама решала, какой ей выбрать путь. Будь то свет или тьма. А порой, изменчивая натура с легкостью меняла свой выбор, а следом и всю жизнь. Для кого-то принципы и вера были смыслом существования, для других же простой переменной. Кто-то мыслил глобально, а другие считали, что мир заканчивается за пределами его тела и взора. Я принимал и любил каждого из них. Не расстраивался от выбора, который они делали, и являлся им именно в нужном образе. Я играл роль, помогая людям пройти свой путь, помогая так, как они того желали. Являлся им в сияющих одеждах, чтобы даровать надежду. Порой — в черных, чтобы внушить страх. Но суть моя от этого не менялась. Уроки судьбы, ошибки, победы и проигрыши, все это было для них и о них. Я же шел рядом с каждым, помогая так, как они того просили.

Люди сами разделили незримый мир, сотворив свет и тьму, ангелов и демонов. Восхваляли первых, ненавидели вторых. Но нет одного без другого. Мы едины и связаны между собой.

Океан недружелюбно приветствовал меня, поднимая немыслимые волны. Я стоял на узкой полосе берега, заваленного корягами, и всматривался в бушующие воды.

Бесконечная жизнь вне этого мира, вдали ото всех, окруженного лишь существами, подобными мне, неспособными любить и чувствовать, привязываться и хотеть чего-то большего, чем то, что было заложено в них, вдруг вызвало во мне негодование. Я ощущал себя безмерно одиноким. Впервые я смог распознать это ощущение и облачить в слово. Одиночество. В двух мирах, а теперь и в трех.

В мире живых я часто встречал подобных. Но и они, ожидаемо, не могли понять меня. Но это и невозможно. Я выше их. Иное существо, вне времени и пространства. И когда-то я узнал, что все может быть иначе. Я продолжал тянуть это чувство за собой, хватаясь за тонкую соломинку, что грозила раствориться между моих пальцев пылью.

Остаться одиноким в толпе — это страшнее вечности.

Какой в ней смысл, если она убивает жизнь?

— Ты так похож на своего брата, — говорил я океану. — Но и отличия ваши колоссальны. Ты живой, населен существами, наделен разумом. Но все так же способен забирать с собой тех, кто не совладает с твоей мощью.

Тихий океан замер, холодные воды блестели в тусклых лучах солнца, прикрытых облаками. Вот-вот спустится ночь, и он станет похож на убийственный Литейский, страшное и злобное создание, что породил нижний мир. Яд, которым наполнены его воды, был опасен для любого существа. Даже для меня.

Множество раз я был готов войти в него, подчиненный шепотом воды. Делал шаг, не замечая, как острые камни впиваются в босые ступни, а затем второй, утопая в песке. Боль, пронзающая тело, отрезвляла, и я спешно выходил на сушу. Океан шумел громче, бросая на берег капли, словно старался задеть меня хоть как-то. Порой я стоял в нём, сделав один шаг. Ждал, проверял себя. Моей выдержки хватало ненадолго. Я снова сбегал от этого чудовища, а затем сидел на коряге, рассматривая, как мясо, жилы и кожа нарастают на обглоданных им костях. Он много раз пытался сожрать меня, и каждый раз злился все больше, когда ему это не удавалось. Я дразнил хищника, который был страшнее меня, и знал, что настанет тот день, когда он победит. Наше противостояние не может быть вечным. Кому-то придётся сделать решающий шаг.

Но сейчас передо мной не Литейский, а Тихий, и я в человеческом мире. Снова на том берегу, где когда-то познал любовь.

Разговор с Каймом вернул меня туда. Возродил все то, что я так жаждал забыть. Но напоминание все равно было бок о бок со мной. Оно было в ней. И я сам не мог её отпустить. Наоборот, тянул за собой, то даруя любовь, то доставляя безумную боль.

Я не мог иначе. Это и есть я. И моя двойственная натура всегда рядом.

Когда-то здесь был их дом. Маленький, ветхий. Но, увидев его впервые, я потерялся. Здесь была настоящая жизнь. Не важно, как она выглядела. Важно то, что она была.

Кайм существовал так долго, что уже даже я не помнил его изначальную жизнь. Но было и другое время в нашем существовании. То, когда ещё не было зла и нижнего и верхнего миров. Был второй мир, высший. И во время очередного нашего спора родилась идея повторной жизни. Не воплощения, не игр с душами людей. А жизнь с чистого листа. Без предназначений, заданий и цели. Он предложил, а я согласился, заинтересованный новой идеей. Ведь если получится у него, то, быть может, и мне доступен такой шанс.

Кайм не мог помнить наш уговор. Но я исполнял его чётко, как и было запланировано. Я явился на этот берег спустя тридцать девять лет, чтобы узнать, смог ли он прожить жизнь, отличную от прежней. Смог ли стать счастливым.

Не знаю, что ожидал увидеть. Боялся, что мои надежды разобьются так же ярко, как и буйные волны океана, или что я смогу убедиться в том, что способен прожить настоящую

жизнь, как все прочие. Я боялся, с трепетом рассматривал эти земли, замечая, как бьется сердце. И обескураженно смотрел вверх, когда сердце замерло, стоило только заметить хрупкую фигуру.

Я увидел её на пригорке, когда она аккуратно ступала вниз, выбирая устойчивый камень, щупая его босой ногой.

Белые волосы светились на закатном солнце. А глаза, светло-голубые, будто покрытые льдом, с интересом рассматривали меня, чужака, появившегося из ниоткуда.

— Кто вы? — раздался её голос, а глаза тут же сузились в попытке тщательно меня рассмотреть.

— Надеюсь, друг, — ответил ей я.

И она улыбнулась. Так открыто и доверчиво, словно знала меня всю жизнь. Не наивно, нет. Она была уверена в своем действии. И я улыбнулся в ответ, позволяя стать именно таким, каким она видела меня.

— Я пришел издалека, чтобы повидаться со старым другом. Его зовут Кайм. Ты знаешь, где я могу его найти?

— Знаю, — сказала она и указала рукой на простой домик. — Он там. Я провожу.

— Как тебя зовут? — спросил я и приготовился услышать имя, которое запомню на все свое существование, пронося его в своей памяти веками.

Но она не ответила, коротко засмеялась, и подошла ближе. Она стояла в двух шагах от меня. Маленькая, смотрела на меня снизу вверх, хрупкая, как та самая соломинка. На её щеках пылал румянец, а в голубых глазах отражался океан, вдруг ставший спокойным и бархатистым.

— Идите за мной, — сказала она и пошла по песку в сторону дома.

Я послушно шел следом, любясь ею. Её тонкие ноги утопали в песке, хотя её образ казался таким невесомым. Она словно призрак в человеческом мире, слишком прекрасна и волшебна. Я не мог не смотреть, не мог не думать. Я забыл о том кто я и зачем пожаловал на земли живых. Видел лишь девушку перед собой и вдыхал аромат ее кожи: лимоны и холодный песок.

— Мы пришли, — обернулась она, а затем отворила дверь в дом, образ которого до сих пор не выходит из моей головы. Это и есть дом. Очаг. Жизнь.

Я увидел Кайма, когда входил внутрь. В его взгляде вспыхнул огонь возмущения, который я тут же потушил своей силой. И он, поддавшись ей, улыбнулся, приглашая гостя за стол. Он выглядел практически так же, как и до этой жизни. Одно отличие бросалось в глаза — легкость во взгляде.

Девушка смотрела на нас, пытаясь понять, что может связывать двух мужчин, но она не произнесла ни слова, лишь отошла в сторону, решив не мешать нашей беседе. Но я ощущал, что она слушает, ловит каждое наше слово. И не сводит с меня холодных голубых глаз.

— Здравствуй, мой старый друг.

Кайм улыбался, его воспоминания медленно пробуждались, и постепенно он понимал, кто я и зачем явился. В темных глазах родился испуг, но и его я притушил, решив сначала выслушать его историю.

— Я смог, Лориэн, — подняв голову, тихо сказал он. — Добился того, чего так сильно желал. Я познал то, чего мы были лишены давным давно. И это лучше вечности.

— Что ты обрел в этой жизни? — спросил я, все еще ощущая присутствие той девушки.

— Семейку, — улыбнулся Кайм. — Любовь. Пожалуй, нам стоит пройтись.

Мы шли вдоль берега, и я внимательно слушал рассказ Кайма.

Он начал эту жизнь с самого начала, родившись, как и любой другой человек. Его путь был нелегким, но он боролся за свое будущее, стараясь поступать по совести. Его жизнь была наполнена добром и злом, смешиваясь в причудливых узорах. Он совершал ошибки, учился на них, порой исправлял или делал выводы, двигаясь дальше. Рассказывая о годах этой жизни, он был счастлив. Я дивился блеску в темных глазах, и барабану в грудной клетке. Слушал, запоминал, пытался понять о чем он говорит.

Мы вернулись к дому спустя несколько часов непрерывных бесед. Внутри горела свеча, и слышалось два женских голоса.

— Я познакомлю тебя с ней, — сжал Кайм моё плечо и затем нетерпеливо потянул за собой.

Внутри меня встретил огонь и лед. Та девушка, которую я увидел при свете солнца, сидела за столом, изучающе рассматривая меня. А вторая, золото этого дома и всего мира для Кайма, стояла рядом. Стоило нам пройти, как её лицо расцвело, и сердце рвануло галопом. Кайм прижал её к себе, крепко обнимая, и я удивился вновь, ведь ранее я не видел подобной любви своими глазами.

Это не пьесы и поэмы. Передо мной была чистая, будто невозможная в своей мощи любовь.

— Моя жена, — горделиво представил её Кайм. А затем указал на девушку за столом. — Наша дочь.

— Меня зовут Серафина, — наконец представилась она.

— Прекрасное имя, — сказал ей я.

— Как вас зовут? — спросила девушка, и я тут же поймал обеспокоенный взгляд Кайма.

В их доме, в этом хрупком раю, стоял дьявол. Имя «Лориэн» было бы подобно пятну смолы на чистом холсте. И тогда я сделал то, что окончательно разбило меня на части: стал тем, в кого хотели верить. Стал светом, чтобы не осквернить их тьмой.

— Меня зовут Ивион...

Я провел с ними вечер, наполненный эмоциями. Видел нежность, любовь. Физически ощущал заботу друг о друге. И не мог представить, что покину это место.

— Ты должен уйти.

Голос Кайма звучал твердо, с напором. Он стоял надо мной, закрывая своей спиной костер.

Серафина и её мать прогуливались вдоль берега, держась за руки, и над чем-то смеялись. Но то и дело я ловил на себе взгляд покрытых льдом глаз.

— У нас был уговор, — ровно сказал я. — Попробовать. Посмотреть, что из этого выйдет.

— И все получилось, — с нажимом говорил он. — Я не могу их оставить.

Я впервые почувствовал исходящий от Кайма страх. Он был слабый, но набирал обороты. Липкий и цепкий, подбирался к груди, сжимая в тиски бессмертное сердце.

— Неужели ты думал, что останешься здесь? В своем маленьком раю?

— Лориэн, — с мольбой в голосе протянул он. — Это изменит все. Ты не можешь.

— Я могу все, — поднялся я на ноги, вставая с ним нос к носу.

— Если смог я, то и ты должен попытаться. Представь, как это могло бы быть. Я же вижу, как ты смотришь на неё. И она на тебя.

В этот момент я понял, насколько глупой была та идея. Я не простой демон, я бог в глазах людей, и я не могу оставить этот трон, вернуться в мир живых и жить жизнь. Я не имею на это прав и возможности. Кто угодно может жить. Но только не я.

И эти глаза никогда не будут смотреть на меня. Её жизнь закончится, и начнется вновь. Но не со мной.

— Ты должен вернуться, — отрезал я.

Кайм не шелохнулся. Его глаза темнели, наливались злобой. Женщины, все так же держась за руки, подошли ближе и притихли, заметив недобрый взгляд их отца и мужа.

— Нет.

— Это приказ.

— Я не стану подчиняться приказам лжеца и безумца.

— На все твоя воля, — произнес и я.

В ту ночь песок был окроплен кровью.

Кровью его жены, умирающей на его руках, дочери, чьё сердце остановилась в моих. И Кайма, чей жизненный круг завершился там, чтобы начаться вновь в нижнем мире с того места, где он прервался.

Зависть так густо пропитала мои мысли, что я лишился разума. Я забрал у Кайма все: жизнь, близких, память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.